

АЛЕКСАНДР
ПЫЛЬЦЫН

ШТРАФБАТ

НАКАЗАНИЕ,
ИСКУПЛЕНИЕ

Военно-историческая быль

Александр Пыльцын

Штрафбат. Наказание, искупление

«Алетейя»

2018

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

Пыльцын А. В.

Штрафбат. Наказание, искупление / А. В. Пыльцын —
«Алетейя», 2018

ISBN 978-5-906860-74-3

В отличие от всех прежде изданных книг А. В. Пыльцына о штрафбате, география боевых действий штрафных частей Великой Отечественной войны значительно расширена и объем фактического исторического и иллюстративного материала увеличен в связи с появлением и привлечением большого количества новых документов, полученных из ЦАМО РФ и при помощи поисковиков-энтузиастов. Это одна из редких книг, основанная на личных воспоминаниях, подтвержденных историческими документами. Впервые в книге дана оценка взаимосвязи таких правовых категорий, как «преступление», «наказание» штрафными частями, сроки пребывания в них, «искупление вины» подвигом и «покаяние», что в определенной степени перекликается с известной формулой Ф. М. Достоевского. Приводятся документальные примеры несправедливого преследования некоторыми высокопоставленными политическими работниками военачальников высокого ранга, а также слежки за теми, чьи родственники имели судимость по «популярной» в предвоенные и военные годы 58-й статье УК РСФСР. Книга основана только на реальных событиях, с участием реально существовавших физических лиц. В ней нет ни одного выдуманного боевого эпизода, ни одного вымышленного лица и даже ни одной вымышленной фамилии.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-906860-74-3

© Пыльцын А. В., 2018

© Алтейя, 2018

Содержание

Слово к читателю. Введение в штрафбатовскую тему	7
Глава 1	19
Глава 2	29
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Пыльцын

Штрафбат: наказание, искупление.

Военно-историческая быль

*Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память – наша совесть.
Она как сила нам нужна...*

Ю. Воронов

*Эта память – верьте, люди, —
Всей земле нужна.
Если мы войну забудем,
Вновь придет война.*

Роберт Рождественский

*И за столом, припомнив о былом,
Пред совестью своей мы не лукавим,
Но беспокойно думаем о том,
Что мы другим после себя оставим.*

Александр Ольшанский

*К 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной
войне*

*Всем офицерам, штрафникам и их командирам 8-го Отдельного
штрафного офицерского батальона 1 – го Белорусского фронта,
прошедшим трудными дорогами войны от Сталинграда до Берлина,
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

*Автор и издательство искренне благодарят всех, без чьей неоценимой помощи не было
бы этой книги*

Слово к читателю. Введение в штрафбатовскую тему

*Гордиться славою своих предков
не только можно, но и должно;
не уважать оной
есть постыдное малодушие.*

Александр Пушкин

*Разве можно бывшее забыть?
До сих пор годы мчатся, как пули...
Мы суровой солдатской судьбы
До краев всем народом хлебнули.*

Михаил Ножкин

Свою часть Великой Отечественной войны судьбы военные предопределили мне пройти до самого Дня Победы в составе офицерского штрафбата не штрафником, а командиром взвода и роты. «Штрафная» тема долгое время была закрытой в литературе и искусстве, на это многие годы неразумно закрывали глаза. С наступлением безграничной горбачевской «гласности» она вдруг стала модной, ее утрировали и исказили до бесстыдства. Об этих необычных формированиях, созданных в самое опасное для Родины время по известному приказу Сталина № 227 «Ни шагу назад!», многие годы идут уже не споры, в которых должна рождаться истина; напротив, расширяются преднамеренная ложь и всяческие спекуляции на полуправде. Идет много инсинуаций о штрафбатах, в которые якобы массово «жестоким сталинским режимом» загонялись совершенно невинные, *не совершавшие преступлений*, но понесшие *незаслуженные наказания*. Конечно, в какой войне не бывает случаев несправедливости. О них здесь тоже пойдет речь.

Строгий запрет на информацию о штрафных батальонах и ротах был установлен сразу же с приказом Сталина «Ни шагу назад!», изданным в 1942 году «Без публикации», а значит, и все, что им определялось, в прессу не поступало. Для предотвращения нарушений этого положения приказом № 034 от 15.02.1944 года маршала Василевского А. М. подтверждалось *запрещение открытой публикации* «всех сведений о заградительных отрядах, штрафных батальонах и ротах». Это положение действовало долгие годы после войны и порождало массу всяческих домыслов, затем уже и вымыслов просто любителей всяческих сенсаций, да и откровенной лжи разнужданных фальсификаторов об этом непростом явлении в истории Великой Отечественной войны.

Даже крупнейшие военачальники в своих мемуарах по воле политической цензуры либо о штрафных формированиях вообще не упоминали, либо маскировали под «особые отряды» или «лыжные батальоны». Вот и не вводились в научный оборот истинно правдивые сведения о штрафбатах и штрафниках.

За полтора года моего пребывания в штрафбате в нем никогда не появлялись никакие корреспонденты ни центральных, ни армейских или фронтовых газет. Именно из-за отсутствия официальной информации в народе стали распространяться слухи о штрафбатах, как правило, непременно в связи с заградотрядами, хотя их рядом со штрафбатами никогда не было.

Известно, штрафные роты и штрафные батальоны реально были, скрывать это было неразумно. Они активно действовали на фронтах Великой Отечественной войны и, безусловно, внесли свою лепту в Победу. Но особые в военное время эти формирования, прежде всего,

внесли огромный вклад в воспитание и становление человеческой личности, реабилитацию и искупление гражданского греха.

На излете своей уже более чем 90-летней жизни я решился на обобщение всего мною написанного ранее в книгу о ПРЕСТУПЛЕНИЯХ и НАКАЗАНИЯХ в связи с бывшими в нашей военной истории штрафбатами (ротами). Решаясь на это, я никоим образом не покушаюсь на славу великого Достоевского и представляю читателям новый вариант своей военно-исторической были **«Штрафбат: наказание, искупление»**. Она обогащена многими дополнительными архивными сведениями, очень важными для понимания особенностей того времени, и о самих штрафных формированиях, и о заградотрядах, история которых еще мало освещена правдиво, а вымысла о них много. Ради этого я повседневно ворошу свою память, чтобы «допомнить», а не «досочинить», не придумать прошлое, чтобы заполнить пробелы памяти, как образно об этом сказал фронтовой поэт Александр Межиров:

Мне б надо биографию дополнить,
В анкету вставить новые слова,
А я хочу допомнить, все допомнить,
Покамест жив и память не слаба.

В этой книге я попытаюсь сделать основные выводы о больших и малых преступлениях, о степени вины тех, кого направляли в штрафные формирования, мерах наказания за них, соответствии этих мер составу преступлений, о реальном искуплении вины штрафниками или даже их покаянии. Хочу сразу предостеречь читателя, что это будет не научно-юридический исследовательский манускрипт, а только рассуждения человека, прошедшего в офицерском штрафбате командиром взвода и роты полтора года, поэтому основные положения будут рассматриваться на фоне реального офицерского штрафбата с использованием некоторых документов и свидетельств, касающихся отдельных армейских штрафных рот (ОАШР).

Понимаю, что очень нелегко раскрывать истину чего-либо малоизвестного, потаенного, а тем более – уже оболганного, извращенного. Это можно и нужно делать исключительно правдой, основанной не только на личных воспоминаниях и собственных документах войны, но и на документах, сохранившихся у других участников войны, и прежде всего – на архивных документах. Это важно не столько для удовлетворения любопытствующих, сколько для того, чтобы вооружить их правдой для борьбы со все более наглыми, как забугорными, так и собственными, искажителями нашего героического прошлого и его трагических страниц.

Главной целью и основным направлением деятельности этих извращенцев нашей российской истории является злостная клевета на наше общее прошлое, искоренение жизненного опыта советских людей, посвятивших свои жизни защите, возрождению и процветанию нашей Родины, борьбе за ее свободу от любого порабощения. Извращение военной истории Советского Союза – это попытка подменить правду о России ложью, а сам наш героический народ представить каким-то неуправляемым быдлом.

Правдивый мемуарист – хороший помощник историка, и самым главным в его воспоминаниях должен быть честный исторический подход к обстановке, при которой то или иное явление прошлого происходило. Сегодня нам внушают, что все в нашей истории было либо «неправильным», либо вовсе «преступным», пытаюсь разрушить в сознании россиян последнее, что сохраняет святость, что объединяет всех нас – память о Великой Победе. Вместо того чтобы рассказать людям то, что было на самом деле, и почему ему навязывается чужое видение вопроса, всячески втолковываются готовые оценки, искусно возбуждается негодование против «советского античеловеческого режима», а правдивая информация затушевывается, скрывается или представляется в нужном лжецам свете.

Много лет меня волновала атмосфера умолчания истории штрафных батальонов в литературе, прессе и вообще в средствах массовой информации. Нигде, ни в официальной печати, ни в военных мемуарах видных военачальников, об этих батальонах ничего не говорилось. В Советской военной энциклопедии ранних лет о них было сказано только в общем и применительно к армиям других стран. Меня, прошедшего рядом со штрафниками в роли их ближайшего, взводного и ротного, командира, эти извращающие историческую правду «исследования», «романы», фильмы привели к мысли поведать миру истинную, подтвержденную документально правду о реальных штрафбатах, а не о придуманном «Штрафбате» Володарского и Достая, не об «Утомленных солнцем» Михалкова. Фильмами и публикациями, сознательно искажающими фронтовую действительность в штрафбатах, мы, бывшие штрафники и их командиры, оказались фактически оболганными своими же «правдолюбями», чего мы, старшее поколение – фронтовики и твердо стоящие на позициях правды честные люди – не должны оставлять без адекватной реакции. Ныне идет небывалое ранее сражение на военно-историческом фронте, и наша победа в Великой Отечественной войне остро нуждается в защите. Изданием своих книг-воспоминаний, документально оснащенных архивными материалами, к этому стремлюсь и я.

Одумайтесь, господа историки, писатели, журналисты, деятели кино и телевидения. История страны есть просто ее история, и ее надо рассказывать так, как это было на самом деле. Искажение прошлого уничтожает будущее, поскольку прерывает необходимую для развития самобытной страны связь времен и поколений. Отрицая наше героическое прошлое, фальсификаторы подводят нас к выводу, что Россия не имеет будущего, что она может быть только сырьевым придатком Запада.

Многие послевоенные годы я надеялся на то, что из числа уцелевших фронтовых штрафбатовцев найдется же кто-то из очевидцев, кто сможет как бы изнутри, на фактическом материале правдиво рассказать об этих уникальных формированиях Великой Отечественной. Увы, правдивых публикаций так и не дождался. Мои боевые друзья по штрафбату давно подталкивали меня на этот нелегкий, ответственный труд – написать для современников и потомков свои, именно *штрафбатовские* воспоминания о войне и таким образом опровергнуть, дезавуировать ту ложь, которая наслочилась за послевоенные годы.

Дневников на войне мы не вели. Офицерам переднего края, особенно в штрафбате, мягко говоря, это было «не с руки». И самое трудное, что вначале казалось мне непреодолимым вообще, – это огрехи и провалы памяти. Она, коварная, с годами растеряла многие детали событий, названия сел и городов, в которых они происходили, фамилии и имена бойцов и командиров, с которыми бок о бок довелось пережить то нелегкое время.

У талантливого советского поэта Ярослава Смелякова есть такие строки:

И академик сухопарый,
И однорукий инвалид —
Все нынче пишут мемуары,
Как будто время им велит!

Видимо, само время повелело и мне взяться за перо, за это нужное и важное, на мой взгляд, дело. Как в пушкинском «Борисе Годунове»: «При свете лампы умудренный жизнью монах Пимен пишет правдивую летопись...»

И я, как тот монах Пимен, правда, не при лампаде, а с компьютером, тоже решил на документально обоснованную, правдивую книгу о штрафбатах, об этой части военной истории, очень сложной, большинству еще малоизвестной, но многожды извращенной нечестными «деятелями» современных СМИ и другими «сочинителями». Считаю это важным особенно теперь, когда уже не стало реальных свидетелей того времени, почти всех моих боевых товари-

щей, а тем более – самих штрафников, и погибших в боях, и тех, кто выжил тогда, в огне войны, но не дожил до наших дней. Мои настойчивые поиски очевидцев штрафбатов уже малоэффективны. Время неумолимо, нас, «долгожителей», остается все меньше и меньше. Чувствую себя «последним из могикан», то есть из штрафбатовцев Великой Отечественной. Даже телевизионщики обращаются за интервью ко мне, вероятно, уже как к единственному из тех, кто был сам свидетелем и участником того грозного времени и еще помнит его. Простите меня, дорогой читатель, если я применительно к себе опять приведу слова великого Пушкина из того же «Бориса Годунова», которые он вкладывает в уста Пимена:

Исполнен долг, завещанный от бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил.

Как-то в одном из интервью прессе я сказал: *наверное, нам Богом дано жить долго именно для того, чтобы успеть рассказать правду о той Великой войне*. Не мне судить, насколько Господь меня «книжному искусству вразумил», но благодарен Ему бесконечно за то, что «многих лет свидетелем господь меня поставил». Посему считаю долгом своим рассказать о том, какие чувства тогда нас обуревали и какие ценности были в основе патриотизма, в основе безграничной любви к Родине, той любви, которая и обеспечила Великую Победу в невиданно жестокой войне со злейшим врагом всего человечества – фашизмом. Объективности ради, сквозь призму лет и событий я не корректирую во времени ни своих чувств, ни своих впечатлений, ни даже, по возможности, своих оценок. И если иногда к этому прибегаю, то только со ссылками на авторитетные источники, с которыми согласен.

Полагаю, мне удалось рассказать о том, что нам довелось увидеть, прочувствовать и пережить, показать ту фронтовую солидарность офицеров в штрафбате, штрафников и их командиров, которая действительно была в то грозное, кровавое время.

Наш штрафбат, как говорят об этом документы войны, *формировался одним из первых таких батальонов* еще под Сталинградом.

Особо хочу сказать о помощи, которую оказал мне, несмотря на постигшую его почти полную слепоту, мой боевой друг периода боев в Польше и Германии, подполковник в отставке Алексей Антонович Афонин, живший до недавнего времени в Омске. Он мой земляк по военному училищу в Комсомольске-на-Амуре, с ним мы не один месяц фронтовых будней провели в штрафбате бок о бок. Я даже рискнул в 2005-м юбилейном году Победы, невзирая на свои тоже преклонные лета и неблестящее здоровье, съездить к нему в Сибирь, чтобы еще раз пообщаться и «подзарядиться» его живыми воспоминаниями. Почти «дотянув» до 93 лет, в январе 2012 года он ушел навсегда.

Несколько лет тому назад удалось найти в Рыльске через военкомат Курской области старшего лейтенанта Костюкова Алексея Ивановича, командира взвода моей роты, участвовавшего в захвате плацдарма на Одере. Мы постоянно держали связь, он многое тоже успел поведать, но пришло и его время 21 мая 2013 года.

Вот и все! Теперь из тех, кого мне удалось найти из нашего штрафбата, не осталось никого. Ведь нам, тогда еще совсем молодым, теперь уже за 90, а многие мои друзья ушли из жизни, не преодолев и этот роковой рубеж.

Дорогие моей памяти имена друзей, упоминаемые в описании боевых действий и фронтового штрафбатовского быта, по праву могли бы быть среди моих соавторов. Как пелось в одной советской пионерской песне, «без друзей меня чуть-чуть, а с друзьями много». Их фамилии с краткими данными читатель найдет в специальной главе моей книги, где, наряду со штатными офицерами, я поместил также документально установленный мартиролог офице-

ров-штрафников нашего батальона, погибших на полях сражений, отдавших жизни за Родину, за возвращение прав и чести советских офицеров.

И сегодня я в постоянном поиске документов о штрафбатах, а также тех, кто хранит воспоминания, фронтовые фотографии, так или иначе связанные с историей нашего штрафбата документы о своих отцах или дедах, пополняя сведения не только о нашем штрафбате. Уже в 2014 году откликнулся Кирилл Батуркин, внук одного из моих близких друзей, командира пулеметной роты майора Бориса Тачаева. От них всех я получил драгоценные материалы об их героических предках, документальные материалы и воспоминания, в сокращенном виде помещенные в Приложении 6 и дополнившие эту документальную повесть.

Я сожалею, что просто не смогу перечислить всех добрых людей Беларуси, где мне посчастливилось бывать, будь то Минск, Брест, Гомель, Любань, Хатынь или ставший мне близким Рогачев, с его селами, агрогородками, весками (деревнями). Моя искренняя и безмерная благодарность энтузиастам, сердечным людям, Римме Ястремской, Людмиле Гулевич и еще многим, помогавшим мне сбором материалов о Рогачеве, об их знатном земляке, нашем героическом комбате полковнике Осипове Аркадии Александровиче.

Конечно, восстановить даты событий, рубежей обороны и полос наступления мне помогли мемуары известных личностей – военачальников Великой Отечественной войны, прежде всего Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, генералов А. В. Горбатова, С. М. Штеменко и других. Во многом мне помогла официальная военно-историческая литература, а также публикации известных военных историков Юрия Рубцова, Игоря Пыхалова, Владимира Дайнеса.

Итак, собственная, врубившаяся навеки память, переписка с друзьями, их потомками, работа со справочными изданиями, архивными материалами и военными мемуарами и многое другое позволили мне создать эту книгу. При этом использованы малоизвестные широкому читателю архивные документы именно по нашему 8-му штрафному батальону, и теперь подлинность событий, происходивших в нем, подкреплена множеством ксерокопий архивных документов того времени, которые любезно предоставлены мне Центральным архивом МО РФ из Подольска, его добрыми людьми. Мои просьбы всегда встречают благосклонность работников архива, и прежде всего начальника архива полковника Игоря Альбертовича Пермякова и его заместителя Натальи Михайловны Емельяновой. Моя безграничная признательность им, понимающим важность правдивых публикаций об истории войны.

Особую признательность выражаю вице-президенту российского общества «Знание», председателю правления МОО «Общество „Знание” Санкт-Петербурга и Ленинградской области», доктору экономических наук, академику, профессору, ректору Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права Сергею Михайловичу Климову и главному финансисту этого общества, заслуженному экономисту Российской Федерации Антонине Васильевне Ружа. Именно они, в те переломные и тяжелые годы после развала Советского Союза, отважились финансировать первую публикацию моей книги «Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина». Вышедшая в ленинградском обществе «Знание» двумя изданиями моя книга «Штрафной удар, или

Как офицерский штрафбат дошел до Берлина» была первой правдивой публикацией о конкретном, 8-м Отдельном штрафном батальоне, прошедшем с боями от Сталинграда до Победы. Она фактически дала путевку в жизнь другим моим книгам, хотя в эти годы были и прямо противоположные «произведения», изображающие извращенно историю этих непростых формирований Великой Отечественной войны. Законодательное собрание Санкт-Петербурга, «высоко оценив историческое значение книги „Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина”», присудило мне в 2005 году Литературную премию имени Маршала Советского Союза Л. А. Говорова.

Вскоре, также двумя изданиями в Лондоне (Англия), вышла в переводе на английский эта книга под названием «Penalty Strike» общим числом 2250 экз. Наши российские издательства «Яуза», «ЭКСМО» тоже откликнулись и издали мои книги значительным тиражом. Белорусское издательство в Минске после тщательной сверки фактологии текста в Институте истории Национальной академии наук Беларуси дважды издавало «Страницы истории 8-го штрафного батальона 1-го Белорусского фронта», снабдив издание грифом «научно-популярное».

В 2012 году московское издательство «Вече» выпустило еще одну, значительно большего объема, книгу «Штрафбат в бою. От Сталинграда до Берлина без заградотрядов». Все мои книги о штрафбатах оказались так востребованы, что в продаже их даже в интернет-магазинах не найти.

Таким образом, вопреки фальсификаторам, вместе с другими честными военными историками мы вводим в научный оборот правдивые сведения о штрафбатах. Чаяния представителей поколения победителей о том, чтобы успеть рассказать правду о нашем прошлом, выразил в своих стихах весьма уважаемый мною ленинградский поэт, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств Анатолий Владимирович Молчанов, которого я часто цитирую. Этот неординарный человек пережил в детстве ленинградскую блокаду и остался ленинградцем на всю свою жизнь. Она, к величайшему сожалению, уже оборвалась, прямо скажем, из-за «перестроенной», «модернизированной» на рыночный лад отечественной медицины. Это был потрясающе правдивый поэт, боровшийся за правду до конца своих дней.

Вот такая нам выпала доля,
Всю советскую правду хранить.
И пока мы живем – не позволим
Нашу правду другой подменить.

Перед памятью автора этих строк, перед памятью воинов, отдавших свои жизни ради свободы Отечества, ради тех поколений, которых долгие годы старательно вводили в заблуждение злонамеренной ложью всякого рода дельцы от истории и литературы, я тоже считаю своим долгом *«не позволить нашу правду другой подменить»*.

На мои довольно долгие годы жизни вообще (уже пройден порог 90-летия) и 40-летней армейской службы в частности, выпало много событий, встреч с людьми, разными и по характерам, и по той роли, которую они сыграли в моей жизни.

Главная цель этой моей книги: показать то непростое, но поистине героическое время через людей, с которыми меня сталкивали обстоятельства, через события, которыми заполнялась жизнь. Показать и ту Эпоху, которая осталась теперь лишь в нашей памяти, да еще и в честных произведениях представителей, увы, уже уходящего поколения победителей. Жаль, не отражена она достойно в школьных или вузовских учебниках и даже заменена солженицынскими профанациями. А правду об этом времени нужно знать и помнить всем, кто приходит нам на смену, чтобы не вырасти «Иванами, не помнящими родства».

В этой новой книге, в отличие от прежних моих изданий, много совершенно новых документальных материалов, которые дали ей новое направление, характерную фабулу. Здесь показан не только штрафбат в войне, но и взаимосвязь условий появления подобных формирований, соотношения категорий «преступление-наказание-искупление». А от «романов» или всякого рода аналогичных публикаций на «штрафную тему» без указания «адреса», документальной базы и реальных лиц, описываемых событий книга отличается тем, что в ней нет ни одного вымышленного события, ни одного надуманного боевого эпизода, ни одной нереальной

фамилии персонажа. Исключениями могут быть только те фамилии, которые память просто не удержала.

Как говорил в свое время великий Маяковский:

<...>

Моя фамилия в поэтической рубрике.

Радуюсь я – это мой труд

Вливается в труд моей республики.

Радуюсь и я, что хоть не в «поэтической рубрике», но своими книгами, вливающимися в труд честных историков, открываю правду, пусть об одной только, весьма сложной грани большой и тяжелой войны, выпавшей на долю нашего поколения, к сожалению извращенной недобросовестными писателями. В отличие от писателей-сочинителей считаю себя писателем-документалистом, писателем-ме-муаристом на основе строгой правдивости. Высшей оценкой своих книг считаю мнение известного советского писателя Юрия Васильевича Бондарева, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР, признанного классика советской военной прозы: «Получил Вашу книгу... Материал интересный, скорее всего – не просто материал, а документ Великой Отечественной войны...» (см. Приложение 6). Многочисленные отзывы и публикации моих читателей подтверждают это. Они в несколько сокращенном виде помещены в том же Приложении.

Не без гордости сообщаю, что правду о штрафбатах, изложенную в моих книгах, известный режиссер студии документальных фильмов «Отражение» из зауральского Кургана Александр Голубкин отразил в фильме «Штрафбате», который с успехом прошел на многих международных кинофестивалях, завоевал «Гран-при» и множество дипломов.

Жаль, нашего «Штрафбата» не пускают на официальные телеканалы. Зато там лживый 11-серийный «Штрафбат» Володарского и Достая объявили «самым правдивым», а показывать *правду о штрафбатах* многие из них не хотят.

Многие телеканалы России, создавая документальные ленты на тему штрафбатов, непременно обращаются либо к моим книгам, либо непосредственно ко мне. Правда, некоторые из них в своих фильмах пытались «поправить» домислами реальность, не совпадавшую с их понятиями, например НТВ, «Россия-1». Особенно возмутительно обошелся со свидетельствами фронтовиков Кирилл Набутов (1-й ТВ-канал, серия его фильмов «Пока не поздно»). Я вынужден был потребовать непосредственно от руководителя канала Константина Эрнста снять с экрана эту поделку, оскорбляющую честь и достоинство ветеранов. Этот фильм, как и сама программа, были закрыты, но даже элементарного извинения ни от Эрнста, ни, тем более, от самого Набутова не последовало.

Из множества откликов на мои книги и публикации помещу здесь, вне Приложения 6, лишь несколько, в том числе очень для меня значимый, от коллектива Облученской школы, из которой в 1941 году мы, дальневосточные юноши, шагнули в войну.

«Уважаемый Ветеран, дорогой наш выпускник Александр Васильевич! Ваши книги, публикации в газетах, выступления по телевидению помогают нам несколько иначе взглянуть на жизнь, на окружающий нас мир. Мы в школе проводим обсуждения в старших классах, подобные встречи-обсуждения прошли среди ветеранов и коммунистов города. Вы, Александр Васильевич, для нас являетесь примером стойкости, жизнелюбия и оптимизма.

Коллектив учителей, мальчишки и девчонки Вашей родной Облученской средней школы № 3 имени Героя Советского Союза Ю. В. Тварковского»

В 2008 году, после выхода в свет моей книги «Правда о штрафбатах» и фильма «Цена победы. Генерал Горбатов», прошедшего по ТВ-каналу «Россия-1», в котором состоялось и мое участие, мне посчастливилось познакомиться с Ириной Александровной Горбатовой – внучкой легендарного командарма, генерала Горбатова Александра Васильевича, боевые задачи которого нашему батальону довелось выполнять в Белоруссии в феврале 1944 года. И я с удовольствием привожу здесь фрагменты из ее писем ко мне:

«Уважаемый Александр Васильевич! Еще раз с большим удовольствием прочитала 3-е издание Вашей книги. Ваши воспоминания производят сильное впечатление своей достоверностью, искренностью и глубиной переживаний. Спасибо Вам за теплые слова, сказанные в адрес генерала Горбатова. Никто не останется равнодушным к Вашей правде и той боли, которую Вы испытываете, когда сталкиваетесь с лживыми „произведениями“ новых летописцев нашей Великой Отечественной. У Вас много союзников и среди молодежи. Все же Вы достигали до людей и, несмотря на рекламные кампании, уже редко кто считает тот фильм „по-володарски“ о штрафбате истиной в последней инстанции и смотрит его».

В декабре 2012 года на «Исторических чтениях на Лубянке» с докладом о штрафных подразделениях в Военно-Воздушных Силах РККА выступал доктор исторических наук, профессор А. М. Демидов. Он переслал мне записку, которую привожу дословно:

*«Уважаемый Александр Васильевич. С большим интересом прочитал и продолжаю изучать Вашу книгу. Считаю Вашу работу лучшей из всех прочитанных по очень важной и актуальной проблеме истории Великой Отечественной войны.
С наилучшими пожеланиями, А. Демидов
7.12.12.»*

В это же время меня пригласили на форум «17 марта» провести интернет-конференцию. Длится она более трех месяцев, была насыщенной самыми неожиданными вопросами по истории Великой Отечественной войны от респондентов разных возрастов и социальных категорий. Я, как мог, честно им отвечал. Не буду вдаваться в подробности, но приведу, несколько сократив, мнение только одного из многих участников форума, 38-летнего Станислава Валерьевича О. из Запорожья:

«Хочу выразить свою сердечную признательность Александру Васильевичу за предоставленную возможность из первых уст узнать правду о самой великой – и самой страшной войне. Спасибо Вам за то, что взяли на себя это тяжкий труд. Если бы не вы, фронтовики, нам пришлось бы учить историю по Володарским да по Солженицыным. Желаю Вам вменяемых редакторов в издательствах, которые поймут, что книги писателя Пыльцына нужны не столько лично генералу Пыльцыну, сколько всем нам, живущим сегодня благодаря подвигу многих фронтовиков».

Мои книги не могут, наверное, кардинально изменить что-либо в настоящем. Но они, слава Богу, меняют на диаметрально противоположное то, чему успели «научить», что фальшивого, вредного, антиисторического упорно, бессовестно вдалбливают в умы послевоенных поколений. Особенно активны в этом средства массовой дезинформации.

Газета «Правда» 8.06.2013 года поместила статью Ольги Яковенко «Война окончилась, бой продолжается. Офицер штрафбата опровергает мифы антисоветчиков». В ней отмечается:

«Последние пятнадцать лет Александр Васильевич Пыльцын работает над книгами об истинной роли в войне штрафных батальонов. Личность, биография и взгляды Александра Васильевича привлекают внимание большой аудитории, в том числе и молодежной. Вся его жизнь опровергает множество мифов и фальсификаций, которые сегодня навязывают обществу. Причем, как отмечает Александр Васильевич, методы этих мифов и фальсификаций становятся все более изощренными, расширяется круг фальсификаторов и приемы их творческого влияния».

Здесь, полагаю, очень уместны строки из совсем недавно прочитанного мною сборника стихов современного оригинального поэта-врача Евгения Смолякова, которые очень совпали с моими мыслями о результативности трудов моих:

Все же мне удалось, как в сражение,
Умирая за каждую пядь,
Пусть в недалеком моем окружении,
Чьих-то душ бастионы занять.

Надеюсь, и мои книги «занимают бастионы душ» читателей и как-то выправляют искаженные злонамеренной ложью представления о прошлом, пусть не у всех, но у многих из них, как об этом сказал недавно объявившийся внук моего фронтового друга Бориса Тачаева, Кирилл Батуркин:

«От книги Вашей не мог оторваться. Ожидал встретить „сухой“ исторический очерк, а получилось, что сам окунулся в эту тревожную, иногда жуткую, атмосферу, где есть место и юмору, и оптимизму. Хочу признаться, до этого мои представления в общем основывались на известных штампах: войну выиграли „горами трупов“, „водкой“ и „заградотрядами“. Да и оценки вроде бы уважаемых людей были категорично очернительными. Я имею в виду вроде бы солидного писателя В. Астафьева, роман „Прокляты и убиты“ которого я и считал образцом „последней правды“ о войне. Да и вообще, нам настойчиво прививалась идея о том, что вся „правда“ – она оттуда, с Запада, ее и надо слушать, на нее равняться. Последние события показывают: такого потока бесстыдной лжи и хамства от западных СМИ и всевозможных „общественников“ на моем коротком веку еще не было. Очень хорошо, что все наконец встало на свои места».

Я очень благодарен всем, кто правильно меня понимает и это понимание старается донести до широких масс. В этом ряду я отмечаю честные СМИ: российский телеканал «Культура», МТРК «МИР» за уважительное отношение к созданию документальных лент и телеинтервью на «штрафную тему», православный сайт «Русская народная линия» и сайт «17 марта», публикующий мои статьи по «штрафным» и другим современным проблемам без искажений и «поправок».

Только добросовестные историографы, честные военные историки, пишущие о штрафбатах и других штрафных формированиях, докапываются до истины, глубоко исследуя архивные материалы. Большинство же современных журналистов, касаясь этих непростых событий, обычно пользуются публикациями того времени, когда по законам строгой цензуры практически о штрафных батальонах и ротах ничего не было в открытой печати.

То «штрафбатовское» время, конечно же, нельзя оторвать от всего, что ему предшествовало, и от того, как оно повлияло на мою долгую последующую воинскую службу и жизнь вообще. Само определение меня в штрафбат, хотя и на командную должность, многие другие факты, происходившие со мной на фронте и вообще в моей 40-летней воинской службе, рож-

дали иногда неясные, а иногда и вполне обоснованные предположения, что меня тоже *каким-то образом наказывают* за репрессированных отца и брата матери. Будто я должен как-то расплачиваться за то, что они были осуждены по общеизвестной тогда 58-й статье УК РСФСР.

Во многом такие предположения были не иначе как плодом воображения, но, к сожалению, не всегда. О большинстве всех фактов и сомнений по поводу этой связи **преступлений** и **наказаний** я упоминаю по ходу событий и на фронте, и в своей дальнейшей многолетней воинской службе. Мне пришлось в этих целях совершать экскурсии и в «доштрафное» время воинской службы, и даже в детские годы, ибо все это формировало и взгляды, и сознание, и мировоззрение, которые тем или иным образом проявлялись в боевой обстановке. Как говорят, «и ежу понятно», что оболванивание масс, особенно через популярное ныне телевидение и некоторые сайты и сети Интернета, привело к неадекватному восприятию, прежде всего подрастающим поколением, исторических фактов. Налицо довольно печальные результаты, когда весь советский период истории нашей страны в умах нескольких уже поколений видится через «солженицынский ГУЛАГ» или астафьевских «Проклятых и убитых».

Есть у поэта-фронтовика Василия Дмитриевича Федорова такие строки, написанные еще в 1956 году:

Все испытав, мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая, займет наш враг.
Займет, сводя все те же счета,
Займет, засядет, нас разя...
Сердца! – да это же высоты,
Которых отдавать нельзя!

Упустили мы, по крайней мере и у себя в России, и во многих бывших советских республиках, это предупреждение фронтовика. Грянула так называемая «перестройка» умов, затеянная и во многом довольно успешно осуществляемая псевдоисториками и фальсификаторами по «забугорным» рецептам и «дорожным картам». Она уже привела к тому, что в сердца наших людей проникли антинародные идеи, и в том числе – отрицание Великой Победы советского народа над немецким фашизмом.

Как можно не откликнуться на слова поэтессы Клары Аникиной, которая призывает:

День Победы – весенний, прекрасный,
Озареньем уходит в века,
И чернить его ложью напрасно:
Вера наших детей – в нас – крепка!
Ветеран, пока жив, защищайся,
Гордо встань, правду-матку скажи!
С борзописцами словом сражайся,
Не сдавай, ветеран, рубежи!

Вот мы, фронтовики Великой Отечественной, кто еще жив, не сдаем завоеванные рубежи, не складываем оружия в борьбе за правду о героизме советского народа в той уже давней, но близкой нам войне, приведшей к разгрому германского фашизма. Даст Бог, придем и к разгрому любого другого фашизма, нацизма, в какие бы одежды они ни рядились, какие бы маски ни надевали, бандеровские или им подобные. И вдохновляют нас на эту борьбу наши сверстники, честные прогрессивные писатели, поэты, и наши молодые потомки, верящие в

нас. Растет плеяда честных историков молодого поколения, к которым я отношу и моих друзей Игоря Пыхалова, доктора исторических наук, профессора Юрия Рубцова, доктора философских наук, председателя Петербургского исторического клуба Андрея Вассоевича, в своих книгах, статьях, теле- и радиопередачах опровергающих злостные измышления вралей-анти-историков. Когда же наступит и наш, воинов Великой Отечественной, последний час, то уверен, наши идейные последователи будут так же вместо нас стойко бороться за правду о Священной войне, помня твердо:

Но ведь была она, была Победа,
И недругам ее,
Своим или чужим, – не отдадим!

Наверное, из этого, несколько распространенного, введения в тему книги читатель понял, о чем пойдет речь в ней, на какой исторической и нравственной позиции стоит и стоять будет оставшаяся жизнь ее автор. Книга эта поможет раскрыть *особенности преступлений и наказаний за них* направлением в штрафные формирования, а также *искупления вины* в них, перевоспитания и даже покаяния. Автор будет очень рад, если его точку зрения на наше прошлое разделят представители тех, кому жить в будущем, кто уже сменяет наше, увы, уходящее поколение.

Хронологию своего повествования, как уже говорил выше, я прерываю иногда просто необходимыми главами и вставками, то о своей довоенной, то послевоенной жизни. Но все это, как мне пишут многие из читателей, им интересно, так как большинство из них активную, взрослую жизнь начали в конце 20-го века, а то уже и в 21-м. А мы, ветераны Великой Отечественной – аборигены прошлого века, прошлой социально-политической формации общества, – хорошо понимаем, что многим хочется знать, *как все это было тогда*. Как соотносились в годы войны понятия ПРЕСТУПЛЕНИЕ и НАКАЗАНИЕ, какой ценой добывалось ИСКУПЛЕНИЕ вины в войне.

Книга эта о прошлом, а читатель может сравнивать это с настоящим и находить пути к лучшему будущему. Есть одно очень меткое выражение: «Кто не хочет знать прошлое, тот не имеет права на будущее».

Великий Тютчев полтора века тому назад написал знаменитое:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

Да, нам не дано.... Но как хотелось бы, чтобы каждый, кто оставляет свое слово потомкам, мысленно продолжил для себя великое завещание Федора Ивановича хотя бы такими словами: *Но чтобы не иметь вины, мы предугадывать должны!*

Автор рассчитывает и будет очень рад, если наше доброе слово о прошлом отзовется сегодня и в будущем, как беспристрастное выражение любви к своей родине, своему народу. Надеюсь, что нашу точку зрения на героическое прошлое разделят представители тех, кому жить в будущем, и, несмотря на кликушество русофобов и антиисториков, наше слово вызовет то сочувствие, которое и есть благодать.

Для пожилого человека естественно ностальгировать по времени своей молодости. Моя эта работа – тоже ностальгия, но не столько по нашей молодости и времени, выпавшему на нашу боевую юность. Это ностальгия *по любви к Отечеству*, за которое погибли в землю мои родные братья, мои боевые друзья, в том числе и офицеры-штрафники, с кем довелось нам,

их командирам, делить непростую фронтовую судьбу. И так хочется передать высокое чувство патриотизма, преданности и любви к многострадальной Родине – России – нашим потомкам, в будущее.

Дорогие читатели! Любите Родину, любите истинную, не искаженную и не извращенную ее историю, полную героизма, самопожертвований и Побед. Счастливого, справедливого будущего вам!

Глава 1

Сберечь истинную историю войны и Победы

*Хватит измываться над Победой,
Крокодильими слезами обливаясь.
Вы там не были, а значит, вы – неведьмы!
Вам раз плюнуть – прошлое охаять...*

Павел Апидамский

*О дети словоблудья, ваш удел —
Плести словесной лжи тузую пряжу.
Чернить того, кто был белей, чем мел,
И обелять того, кто был чернее сажи.*

Автор не установлен

Сберечь истинную, а не надуманную историю всего нашего героического поколения так важно сейчас, когда она, эта история, порой бессовестно, тенденциозно искажается, извращается некоторыми «историками», писателями, сценаристами, драматургами.

Особой целью фальсификаторов является тема штрафных батальонов. И, спекулируя на этой мало раскрытой истинными историческими документами теме, лжеисторики, спекулянты на истории, чаще всего педалируют соотношения вины и уровня ответственности за нее, то есть ПРЕСТУПЛЕНИЯ и НАКАЗАНИЯ. При этом еще клеветают на установленные на военное время формы ИСКУПЛЕНИЯ вины.

В средствах массовой информации мода охаивать нашу военную историю привела к тому, что необычные воинские формирования Великой Отечественной войны – штрафбаты – стали освещаться как дикая смесь слухов о фронтовых офицерских штрафбатах и армейских штрафных ротах, якобы комплектуемых преступниками-рецидивистами из мест заключения, с царящими в них тюремно-лагерными порядками. В постсоветские годы, а перед юбилеями Победы особенно, в различных российских СМИ усиливался поток публикаций «популярных» авторов, демонстрация телефильмов на «штрафную» тему.

В первую очередь я имею в виду 11-серийный «художественный» фильм «Штрафбат», поставленный режиссерами В. и Н. Досталь по одноименному роману Эдуарда Володарского и показанный к 60-летию Победы.

В этом фильме (и романе) все перевернуто с ног на голову! Самое первое, что во всех таких киноподелках нужно опровергать, – не офицерских штрафбатов просто не было! Штрафбаты состояли *только* из проштрафившихся (совершивших преступления или серьезные нарушения дисциплины) офицеров. Умышленное смешение провинившихся офицеров, рядовых дезертиров и разного рода уголовников в одно понятие – «штрафбат» – характерно для многих, не желающих знать истину. Никаких «врагов народа» или уголовников-рецидивистов к фронту и близко не подпускали. Почему же создатели фильмов, берущиеся за эту тему, не читают не то что правдивых публикаций, но даже много раз уже опубликованный приказ Сталина «Ни шагу назад!», коим и учреждались штрафные батальоны и роты?

В канун 60-летнего юбилея Победы мне в составе делегации Межрегиональной организации Общества «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области довелось побывать на гостеприимной земле Беларуси, в Минской области. Не буду говорить о ярких, незабывае-

мых впечатлениях, которые остались у нас от увиденного там во время этой поездки. Какое впечатление произвел скандальный фильм «Штрафбат» на участников Великой Отечественной, свидетельствуют строки из статьи «А душа молода» в белорусской военной газете «Во славу Родины». Там шла речь о бывшей фронтовой медсестре Серафиме Ивановне Панасенко, посмотревшей этот «художественный» фильм. Вот только цитата оттуда:

«Часть войны стрелковый батальон, где служила медсестрой Серафима Панасенко, прошел плечом к плечу с фронтовым штрафбатом... После того как на российском телевидении был показан нашумевший сериал „Штрафбат“, этот теле „шлягер“ привел Серафиму Ивановну в негодование. Вместо реальных штрафников, с которыми ее однополчане брали Кенигсберг, шли в атаки на врага с криком „За Родину!“, „За Сталина!“, которых вовсе не нужно было выгонять на передовую под дулом пистолета, фронтовичка увидела бандитов-рецидивистов. Вместо удовольствия от фильма, снятого как раз в канун 60-летия Победы, в душе остались обида и боль».

Этой киноподелке, несмотря на массовое неприятие ее ветеранами из-за оскорбительных искажений исторических фактов, присваивали звучные эпитеты, вроде «шедевр из золотой серии отечественного киноискусства», «художественное воплощение истинной правды о войне», «самый правдивый фильм о войне» и т. п.

Несмотря на шквал критики фильма, позиция постановщика 11-серийного «Штрафбата» Н. Досталю четко им обозначена (например, в «АИФ» № 21, 2010 г.), где он договаривается до того, что в той войне «столько миллионов убито... зазря». По Досталю выходит: лучше было позволить Гитлеру уничтожить всю «советскую нацию», чем жертвенно защитить свою страну и мир от уничтожения и порабощения.

Жестко и справедливо критикуют эти фильмы и их идеологов от рядовых фронтовиков до президента Академии военных наук и честные исследователи документов того времени. Однако российское телевидение ежегодно «крутило» этот злонамеренно лживый фильм фактически и по всему миру специально подгадывая то ко Дню Победы, то к другой военно-исторической дате. Сегодня, когда «штрафная» тема стала модной, многие коммерческие издательства бросились собирать «сочинения» людей, что-то слышавших о штрафниках или просто способных на выдумки. Видимо, рейхсминистр пропаганды Геббельс был не первым (первым был Гитлер в своей «Майн кампф»), но и не последним, кто поклонялся известному постулату: «Чем чудовищнее ложь, тем скорее в нее поверят».

Общеизвестно, что нынешнее молодое поколение предпочитает получать информацию с телевизионных или смартфоновских экранов, планшетов и т. и. После выхода на телеэкраны сериала «Штрафбат» они эту информацию получили. Очень непросто теперь убедить их в том, что увиденное не имеет ничего общего с действительностью, что авторы фильма не имели даже приближенного представления о реальных штрафбатах и не захотели его получить. Опровергателям такой «информации» на те же экраны не пробиться, а книги или другую «бумажную» информацию, которая честным критикам доступна, большинство современных молодых людей активного возраста игнорирует.

Наша славная история искажена и в фильме Н. С. Михалкова «Утомленные солнцем-2», в котором знаменитый режиссер «отправил» своего героя, «врага народа» Котова, и целый лагерь политзаключенных в штрафбат в самые первые дни войны и явно на запредельный срок. Хотя известно, что штрафбаты создавались лишь с августа 1942 года и срок пребывания в них был не более трех месяцев, а политзаключенным туда путь вообще был закрыт.

В 2011 году по телеэкранам прошла кинофальшивка Пиманова «Жуков», вызвавшая у нас, ветеранов, просто омерзение. В главной роли – теперь уже известный актер Александр Балуев. Главным содержанием этого фильма является отнюдь не полководческий гений леген-

дарного Маршала Победы, спланировавшего и выигравшего самые крупные сражения Великой Отечественной войны, – нет, в этом фильме рассказывается о «сексуально озабоченном» бабнике, и выдается это за «правду, которую утаивали», а его полководческий авторитет игнорируется.

Что касается Пиманова, то у меня с ним тоже был контакт, и тоже малоприятный. Буквально за неделю до 60-летия Победы меня в Санкт-Петербурге навестила съемочная группа от Пиманова, тогда генерального директора ТК «Останкино». Цель – записать на видео рассказ о нашем штрафном батальоне, как свидетельство человека, прошедшего штрафбатовскую школу. Съемка состоялась, мне даже сразу назвали дату телеэфира, вручили поздравительную открытку от Пиманова и тысячерублевую купюру, которую я воспринял как полагающийся гонорар или как подарок ко Дню Победы.

Но пришло назначенное время, прошел и День Победы, а моего интервью не было. Миловидная женщина, возглавлявшая съемочную группу, на мои телефонные звонки отвечала уклончиво, а потом сообщила, что материал забракован, а ее уволили, как не справившуюся с заданием. Я понял, что заказчик, то есть Алексей Пиманов, рассчитывал получить материал в духе «Штрафбата» Володарского-Достая или подтверждающий хотя бы основные версии их фильма, но ничего подобного не получил и отснятый видеоматериал забраковал.

Тогда я послал ему письмо, в котором написал: «Вас не устроила истинная правда о штрафбате, и вы, пытаясь выхолостить мое интервью, а потом и вовсе затерли его, так как оно не совпадало с точкой зрения не выдавших войны авторов „Штрафбата“, да и, как оказалось, вашей личной». Назвал его действия открытой попыткой «подкупить» меня этой купюрой, заявив, что «ни за какие иудины деньги, ни за вашу тысячу сребреников мы, ветераны, ни совесть свою, ни память, ни гордость и честь офицерскую не продаем». Письмо опубликовала газета «Советская Россия». Так что мою пощечину, хотя и не реальную, он все-таки, полагаю, получил.

Или другой пример фильмов «наоборот», лента «Сволочи» Антонесеяна. Из арсенала действий фашистов во время войны известны факты, когда они забрасывали подростков с оккупированных советских территорий в качестве диверсантов в наш тыл. Подтверждение этому в Ориентировке Особого отдела НКВД Юго-Западного фронта № 1244/6 от 4 декабря 1941 г.: «Об использовании немецкой разведкой подростков для сбора разведывательной информации о частях Красной Армии в прифронтовой полосе. 15 ноября 1941 г. особым Отд. НКВД 34-й кавдивизии задержаны 3 мальчика в возрасте 8-10 лет. Они рассказали, что в г. Бобруйске немцы собрали до 50 человек детей в возрасте от 8 до 10 лет, не имеющих или потерявших родителей, и обучают их разведывательной работе. После месячного обучения 10 человек были переброшены немецкой разведкой через р. Северный [правильно «Северский»] Донец в районе с. Каменка Харьковской области на нашу территорию...» Однако в фильме режиссера Антонесеяна по сценарию Владимира Файнберга все наоборот: злобные бериевцы засылают диверсантов-малолеток в немецкий тыл или пускают под вражеские пулеметы.

Снова небольшое отступление. С Файнбергом меня познакомили, когда я только работал над первой своей книгой о штрафбате и это просочилось в печать. Тогда он что-то сочинял на «штрафбатовскую» тему и решил мне показать некоторые фрагменты, видимо считая, что все в штрафбатах должны затаить зло на Сталина за создание таких батальонов. Его сочинения не имели ничего общего с действительностью, что я и дал понять Файнбергу.

Но то «художественные» фильмы, авторам которых даже на исторические темы ныне почему-то дают право переиначивать историю на свой лад в угоду «режиссерскому видению».

В этом же ряду и телепередачи! Едва ли фронтовики могли простить канал НТВ за передачу «Генералиссимус», посвященную Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину. Это часть многосерийной документальной телеэпопеи «Алтарь Победы», запущенной к 65-й годовщине Победы. Несмотря на положительную, порой даже восторженную оценку фронтовиками

роли Верховного, заканчивается эта серия таким «итогом»: «Победа в Великой Отечественной войне достигнута советским народом не благодаря, а вопреки Сталину». Будто он всеми силами работал не на свою Победу, а на гитлеровцев, противостоял прославленным генералам и маршалам в управлении войсками, то есть мешал всему советскому народу разгромить врага. А судьей Сталина выступил известный киноактер Кваша, в жизни и понятия не имеющий о войне или о значении в ней даже сержантов, не то что командующих.

Один из команды создателей этого фильма (имя не называю по этическим соображениям) на мое возмущение таким «итогом» отреагировал: «Нам была установка не обелять Сталина». Но тем, кто берется за исторические фильмы, *очернять* историю своей страны только потому, что она в недалеком прошлом была Советским Союзом, – просто подло!

В ленте «Штрафбат» этой же серии судьей мнений фронтовиков, прошедших суровую школу штрафбатов, выступал тоже киноактер Серебряков, утверждавший, что в фильме Володарского с его участием «все правда». Невольно приходит тривиальное «А судьи кто?». Оказывается, на НТВ судьями служат лицедеи, что привыкли произносить, хоть и талантливо, но чужие слова, жить чужими мыслями. Выходит, они лучше знают правду, чем мы, видевшие и саму войну, и штрафбаты в реальности! Но с нашим ветеранским возмущением ныне не считаются ни на телевидении, ни во властных структурах.

После публикации в январе 1985 года в «Комсомольской правде» статьи И. Руденко, впервые открыто рассказавшей читателям о нашем 8-м штрафном батальоне и о долгом моем пребывании в нем в качестве командира, известный писатель-фронтовик Вячеслав Кондратьев прислал мне письмо, где писал, что о штрафниках кое-что слышал, но сам о них ничего не знает, а ему нужно это знать на будущие планы, и просил раскрыть кое-что.

Завязалась переписка, а читая его публикации о войне, я заметил, что в них почти назойливо выпирало стремление найти выражения похлеще. Явно был замечен какой-то излишний натурализм, о чем я, неискушенный в писательском творчестве, не смел ему «указывать». Но подумалось, как бы он не стал на путь извращения штрафбатовской темы.

Наша переписка, однако, вскоре была омрачена публикацией в «Литературной газете» 1 января 1990 года его комментария «Парии войны» к «документальному» фильму Льва Данилова «Штрафники». Кондратьев, в действительности не соприкасавшийся со штрафбатами или штрафниками вообще, но со склонностями к поиску «острого», «необычного», был, вероятно, обманут такими «знатоками», как Данилов. В той статье Вячеслав Леонидович писал, что поскольку в годы войны Сталину «нужна была армия бесплатной рабочей силы», то за пустяки давали «чудовищные сроки», а потом пополняли этими зэками штрафбаты. Вот и здесь как шило из мешка торчит главная у «знатоков» мысль несоответствия преступлений мере наказания. Ссылался он и на «заградовские» пулеметы. Мне стало обидно, что он поверил Данилову и не принял во внимание свидетельства офицера, варившегося в этом «штрафном котле» до самой Победы.

Написал я Вячеславу Леонидовичу сердитое письмо. В нем позволил себе указать ему, что в кадре, где изображен станковый пулемет за цепью наступающей пехоты, обычный рядовой пехотинец поймет, что это просто огневая поддержка пехоты, а отнюдь не «заградовский» пулемет, как это утверждается в фильме. И еще добавил: «Как это вы, фронтовик-сержант, опытный боец, да еще с солидным стажем довоенной службы, поверили бредням какого-то киношника, не нюхавшего фронтового пороха». Видимо, Кондратьев обиделся. Ответа от него я не получил и сожалел, что наша переписка оборвалась.

Спустя много времени, 20 сентября 1994 года в газете «Правда» из статьи В. Кожемяко «Последний выстрел сержанта Кондратьева» узнаю о самоубийстве Вячеслава Леонидовича. Стало как-то не по себе...

Владимир Владимирович Путин, став уже Президентом России, говорил 22 июня 2001 года: «Мы будем защищать правду об этой войне и бороться с любыми попытками исказить эту

правду, унижить и оскорбить память тех, кто пал, поскольку историю нельзя исказить». Еще через пять лет, в 2006 году, как и все участники войны, я получил стандартное поздравление с Днем Победы, в котором, напоминая о 65-летию с трагической даты начала Великой Отечественной войны, Владимир Владимирович писал: «Исторический масштаб и значение Победы не подвластны времени. Ведь то, что было истинно великим, останется великим навсегда».

Дмитрий Медведев, сменивший его на посту Президента, спустя три года в своем обращении к участникам Отечественной войны, констатировал: «Мы стали чаще сталкиваться с тем, что называется сейчас историческими фальсификациями... Мы никому не позволим подвергнуть сомнению подвиг нашего народа». Но почему-то бесконечно и безнаказанно позволяем, позволяем, позволяем...

Летом 2009 года Медведев даже издал Указ о создании специальной «Комиссии по противодействию фальсификации истории». В составе этой комиссии, как ни странно, не оказалось ни одного ветерана войны или видного и честного военного историка...

Жаль, что ни эти призывы руководителей нашей страны, ни Указ о «противодействии» не стали рекомендацией для все более наглеющих любителей «свободы слова», «переоценщиков» нашего героического и трагического прошлого.

Все это должно было заставить нашу Российскую Думу действительно задуматься над вопросами ответственности за злонамеренное искажение исторических событий Великой Отечественной войны. Не следовало отклонять подобные законопроекты, как она отвергла в 2009 году подобное предложение тогда еще руководителя МЧС Сергея Шойгу из-за того, что такой закон «нарушает права граждан на свободу выражения мнения».

Когда уже министр обороны Сергей Шойгу во время активизации неонацистских сил на Украине возобновил свое предложение, наша Госдума наконец ускорила принятие «Федерального закона о введении уголовной ответственности за реабилитацию нацизма, а также распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР во время Второй мировой войны». Закон этот принят Госдумой в апреле 2014 г., а 5 мая 2014 г. его подписал Владимир Путин. Конечно, если бы этот закон был принят намного раньше, как давно требовали этого ветераны Великой Отечественной, может, и не случилось бы такое масштабное оживление бандеровщины на Украине, да и русофобов у нас дома. Жаль, что не только они и сегодня продолжают утверждать, что *только пулеметные заслоны послужили причиной подвигов* бойцов Красной Армии. Отдельные высокопоставленные политики, к сожалению, тоже.

Очевидное и культивируемое историческое невежество таких «знатоков», их клевета на героев Великой Отечественной войны заставляют спросить: не заградотрядовские ли пулеметы принудили 470 бойцов повторить подвиг пехотинца

Александра Матросова, закрыв своими телами вражеские амбразуры? Или 506 авиаэкипажей совершали подвиг Николая Гастелло, направляя свои самолеты на войска и технику врага, тоже под угрозой пулеметов мифических энквэдэвских «заградсамолетов»? И если ни один корабль, ни одна подводная лодка советского ВМФ не спустили боевой флаг перед противником, то это все было «эффектом заградотрядов»?

Как и честные военные историки, я тоже утверждаю, что и за штрафбатами, в том числе за нашим 8-м ОШБ 1-го Белорусского фронта (бывшего ранее Сталинградским, Донским, Центральным и просто Белорусским), как и за армейскими штрафными ротами, *никогда не выставлялись заградотряды*, создаваемые в соответствии с тем же приказом № 227. Современные истинные историки, при самом тщательном поиске, не обнаружили архивных свидетельств того, что заградотряды гнали в атаку свои войска под дулами пулеметов или расстреливали отступающие войска.

Однако не я первый встаю против кинодеятелей, сочинявших клеветнические «художественные» киноподелки, и любителей демонизации заградотрядов. Ведь та ложь, которую они пытаются внедрить в сознание масс, даже в первом приближении ничего общего не имеет

с исторической правдой. Признанным боссам киноиндустрии давно следует взять за правило *максимум исторической точности и строгую взвешенность собственных фантазий*, вспомнив хотя бы грозные слова бывшего президента Медведева о том, что «мы никому не позволим подвергнуть сомнению подвиг нашего народа». Тем более что их выдумки порой переходят даже границы приличия.

Моя безмерная благодарность всем моим респондентам, так высоко оценившим и мои книги о штрафбатах, и мою позицию в борьбе против разного рода лжеисториков и фальсификаторов в нашей военной истории.

Все подобные проблемы Великой Отечественной войны, ставшие с некоторых пор «спорными», убедительно, с большой доказательной базой, подробно отражены во многих уже публикациях, в том числе в книге Игоря Пыхалова «Великая Оболганная война» (М., «Яуза»), выдержавшей многократные издания. Какой зубодробительный отпор дан в ней новоявленным клеветникам России!

Отрадно нам, старшему поколению, что, несмотря на огромный наплыв антиисторических фальсификаций разного толка, очернителям прошлого не удалось затуманить мозги всем поколениям, приходящим нам на смену. А значит, выживет истина, будет жить славная, не запачканная лгунами и фальсификаторами, героическая история нашей Великой Родины!

Как образно и точно сформулировал ленинградский поэт Анатолий Молчанов оценку того действительно невысказанно тяжелого военного времени и для воинов, и для всей страны:

Да, нам было невысказанно плохо,
Путь к Победе был устлан костями...
Но всегда, до последнего вздоха,
Мы советскими были людьми.

Фальсификаторы и очернители героического прошлого нашей истории искусно и умело (надо отдать им должное) формируют негодование потомков по поводу коммунистической идеологии и социалистических ценностей, презрение ко всему советскому периоду нашей Родины. То ли безнаказанно, то ли прямо по вражеской указке внедряют они в еще не окрепшие умы и души молодежи чувства безразличия, а подчас и ненависти к той великой Родине, которую мы, советское поколение, не жалея ни сил своих, ни самой жизни, защищали от фашистского нашествия. По их мнению, и войну-то народ выиграл сам, не благодаря умелому руководству наших маршалов и генералов, а лишь «трусами своих солдат врага забросавших», «кровью советских людей заливших Европу».

Немецкие военные знамена и штандарты – к подножию Мавзолея Ленина, 1945 год

Может, устроители парадов 9 мая в Москве и других городах в честь Победы, веря им, не упоминают на этих парадах ни одного командующего фронтом, не говоря уже о Верховном Главнокомандующем. А о том, как поверженные фашистские знамена бросали к подножию Мавзолея на Параде Победы, стараются вымарать из исторической памяти людей, пряча от участников и гостей парадов это историческое место декоративной фанерой, будто какое-то стыдное место. Получают установки и специалисты, организующие с Красной площади трансляции любых торжеств, чтобы Ленинский мавзолей не попал в объективы телекамер.

Конечно, известная всему миру трибуна на Красной площади могла напоминать, что тогда на ней стоял другой, истинный Верховный Главнокомандующий, действительно приведший свою страну и свой народ к Великой Победе.

В последние десятилетия появилось много «искателей правды», которые во всей непростой военной истории нашей страны выискивают и беспардонно преувеличивают только негатив, а если его не находят, то безбожно лгут, выдумывая небылицы.

Одни умышленно, другие по неразумению уродуют правду прошлого, внедряют неверие в героизм советского народа и его высокий патриотизм, проявленные в годы смертельной опасности, нависшей над Отечеством, сеют определенный нигилизм, своего рода «депатриотизацию», «дегероизацию». Все советское, так или иначе связанное или намеренно связываемое с именем Сталина, свалено в сточную канаву лжи и клеветы. Хотелось бы напомнить этим клеветникам слова фронтового поэта Фатыха Карима, погибшего в боях под Кенигсбергом в 1945 году. Он, словно оттуда, из небытия, дает нам потрясающий совет:

Собрать бы мне на площади большой
Всех подхалимов и клеветников,
Отрезать языки тупым ножом
И бросить их голодной своре псов!

Одумайтесь, клеветники и злопыхатели! Ведь если праведники наши с того света хотят провести над вами такую экзекуцию, то уж ТАМ, куда всем нам неизбежно придет время уходить, вам надо будет держать ответ не только перед Богом, но и перед ними. Верить в это предсказание или нет, дело каждого. Но все равно это что-то значит!

А ниспровергатели достижений Советского Союза, в том числе и в Победе над фашизмом, изощряются в способах своих нечистых дел. Всем памятна история с конкурсом «Имя России», когда только «нужный подсчет» голосов «исключил» Сталина из победителей этой акции.

В 2014 году нашим ВГТРК было решено провести новую акцию к Дню Победы 9 мая, общероссийский конкурс «Имя Победы». Учитывая результат предыдущей акции и все возрастающий в народе авторитет имени Сталина как выдающегося военачальника и государственного деятеля, авторы новой акции приняли свои, явно целенаправленные, меры.

Во-первых, в список претендентов на имя, наиболее подходящее к Победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., не включили имя Сталина, пытаясь отделить, «отвязать» в сознании народа имя Сталина от Победы в Великой Отечественной войне и еще раз утвердить уже много раз провозглашенную антиисторическую идею: «Народ победил не благодаря, а вопреки Сталину». Тем самым это имя намеренно и надежно изъяли не только из явных претендентов на первенство, но и вообще из участия в проекте. Можно сказать, переиначивая известную фразу, «нет претендента – нет проблемы». Если бы в списках ВГТРК имя генералиссимуса было, то не нужно быть оракулом, чтобы предугадать итоги голосования.

Во-вторых, несмотря на то что акция «Имя Победы» приурочена именно к годовщине Победы 1945 года в Великой Отечественной войне, в список включили имена многих даже малоизвестных в истории России. В итоге был сформирован список из ста военачальников, начиная с древнерусских князей Вещего Олега, Святослава, даже Мстислава Удатного (Удалого), заканчивая нашими современниками, такими как генералы Лебедь и Шаманов, к Великой Отечественной никакого отношения не имеющих.

Похоже, что этот список ста российских военачальников составлен по примеру американцев, опубликовавших в свое время список 100 великих полководцев мира, в котором Сталина тоже нет, зато Гитлер там 14-й по «величию». Этот «великий» проиграл войну Сталину! Из советских полководцев Маршал Победы Жуков – после Конева, который почему-то впереди, на 54-м месте. Всех туда собрали, даже второразрядных американцев, а Чуйкова, Говорова и многих других наших маршалов и генералов в этом списке вообще нет. Вот откуда наши «знатоки» военной истории получают «установки», ноты чьих песен на их пюпитрах.

Всем ясно, что ни древние Вещий Олег или Удатный, как и современный, уважаемый мною, командующий ВДВ генерал Шаманов, да и почти вся остальная сотня из списка, тем более Колчак, Деникин и многие другие, к Великой Победе 9 мая 1945 года никаким образом не причастны. Значит, устроители акции «Имя Победы» таким шулерским способом Победу над фашисткой Германией в небывалой в истории мира войне уподобили то ли битве Вещего Олега с «неразумными хазарами», то ли битве Удатного при Калке, то ли даже колчаковскому беспределу в Сибири. Во всяком случае, здесь совершенно ясно видны уши тех, кто хотел бы принизить значение советской Победы 45-го и стереть ее величие из сознания людей.

Наконец, третье: в прежней акции «Имя России» голосовать можно было по телефону, и в ней могли принять участие все, кому доступен телефон, естественно, в том числе и старшие поколения. Зато в новой акции «Имя Победы» свое мнение смогли высказать только лица, уверенно владеющие компьютерами, что априори выбило из рядов участников голосования ветеранов Великой Отечественной. Ведь известно же, компьютерами из 80-90-летних ветеранов владеют вообще едва ли больше одного-двух процентов. Но именно в памяти этих ветеранов прочно признание выдающейся роли в Победе Верховного Главнокомандующего Сталина.

Похоже, устроители акции «Имя Победы», в дополнение к известным мерам по «монетизации льгот», лишившим участников войны их законных прав и привилегий, решили добавить свое злодейство, искусственно лишили их еще и права высказать свое мнение по далеко не чуждой им проблеме истории России.

В подтверждение предположений о возможных результатах этой акции, будь она проведена честно, надо добавить такой факт. Нижегородское отделение партии «Великое Отечество» и клуб «Суть Времени» справедливо посчитали организаторов общероссийского конкурса «Имя Победы» *специально, обдуманно* исключившими И. В. Сталина из своего списка. Видя такой виртуальный беспредел, нижегородцы создали альтернативный проект «Настоящее имя Победы». Намеренно сохранив все правила, по которым проводился конкурс ВГТРК, в том числе и голосование только по Интернету, добавили лишь две кандидатуры претендентов: Петр I и Иосиф Сталин, умышленно не включенные в проект ВГТРК.

Альтернативный проект «Настоящее имя Победы», без затрат на рекламы в СМИ и обычную раскрутку, всего за две недели собрал более 65 000 голосов. Как и следовало ожидать, первое место уверенно занял Иосиф Виссарионович Сталин, потеснив в проекте ВГТРК на второе место Александра Васильевича Суворова, а на третье – Георгия Константиновича Жукова. Как видно, и без участия большинства ветеранов Великой Отечественной войны, не владеющих компьютером, имя Сталина первенствует в умах и молодых поколений, чего, надо полагать, больше всего и боятся руководители ВГТРК или те, кто их вдохновляет.

Современные «творцы настоящей правды», хулители нашей Победы, снедаемые страстью подражать «главным победителям» в той войне, Соединенным Штатам, не могут подняться до нравственно-духовных высот поколения победителей. В своих измышлениях эти «творцы» пытаются опустить истинных победителей до своего низкого, обывательского уровня злостных ненавистников героического прошлого собственной страны. Наши СМИ практически захвачены подобными «политологами», «историками», «писателями» и прочая, прочая.

Принятый недавно у нас в России Закон об уголовной ответственности *только за реабилитацию нацизма*, к сожалению, пока никого не укротил из разгулявшихся русофобов. Вероятно, именно поэтому все чаще среди молодежи появляются всякого рода фашиствующие, а то и явно профашистские организованные группы. Особенно проявляют они свою антирусскость в связи с оживлением бандеровско-го неофашизма в Украине. Видимо, этот закон пока «действует» так же «эффективно», как, например, законы о противодействии коррупции.

Об уголовной ответственности за фальсификацию в СМИ исторических событий Великой Отечественной войны у нас пока в парламенте, жаль, даже речи не идет. Кстати, в Думе все чаще подменяют понятием «Вторая мировая» очень важный именно для нас, граждан России, термин «Великая Отечественная война». Это явно тоже в угоду Западу и тем, кто хочет вытравить из новых российских поколений сознание *величия* битв именно в защиту Отечества.

И пусть я повторюсь, но еще раз хочу напомнить всякого рода злопыхателям: истина, гласящая, что высшей формой преступления является предательство прошлого, никогда не перестанет быть истиной. И как прекрасно ответил в свое время тем, кто «жалеет» нас, представителей довоенного поколения, известный советский поэт Ярослав Смеляков:

Я не хочу молчать сейчас,
Когда радетели иные
И так и сяк жалеют нас,
Тогдашних жителей России.
Мы грамотней успели стать,
Терпимей стали и умней
И не позволим причитать
Над гордой юностью своей.

Как продолжение мыслей Ярослава Смелякова, привожу опять строки выдающегося ленинградского поэта, члена-корреспондента Петровской академии наук и искусств Анатолия Молчанова, горячее и честное сердце которого, к сожалению, уже перестало биться:

Нам говорят, что наше поколение
Прожило на коленях жизнь свою...
О, как мы пели, «стоя на коленях»!
Теперь так демократы не поют...

А завершить эту главу я хочу тоже стихами, но написанными моим сыном Александром, как обращение уже к его детям, к совсем юному поколению:

Замрите, слушайте, смотрите, ребятишки,
Дыханье затаив, став чуткими втройне:
Ведь вы последние девчонки и мальчишки,
Которым суждено услышать о войне.

К этим строкам стихотворения своего сына я добавил пару своих строк:

От тех, кто сам все это вынес, пережил,
Кто видел смерть в упор, но победил!

Да, пока мы живы, именно услышать, прочесть в наших воспоминаниях, а не в неоднократно выхолощенных учебниках. Тем более, в не совсем правдивых, а то и откровенно лживых книжонках, или увидеть в «кривом зеркале» современных электронных СМИ. Узнать непосредственно от тех, кто сам все это видел, кто своим героизмом, своей преданностью Родине смог заслонить страну свою от злейшего врага и обеспечить тем самым жизнь и будущее многих поколений нашей Родины.

И пусть ваша вера в правдивое слово о героической истории народов страны, которой в недавнем времени был Советский Союз, будет тоже своеобразным штрафным ударом по фальсификаторам всех мастей.

Глава 2

Рождение 8-го офицерского штрафбата

*Сталинградская битва, враг рвется за Волгу,
Захватил Дон, Кубань, занимает Кавказ,
Только русские верят: «Теперь уж недолго,
Как начнем наступать – жди, Германия, нас!»*

Анатолий Молчанов, ленинградский поэт

*Артобстрел, минометы, винтовка и штык,
Зубами к победе сквозь этот ад,
Перед глазами победа – один только миг:
Только вперед – и ни шагу назад!*

Рамиль Биктимиров

У меня, правда, может быть, меньше, чем у других, но какое-то представление о штрафбатах уже имелось, хотя бы из приказа Наркома обороны № 227, исторического документа, общеизвестного, как приказ Сталина «Ни шагу назад!», однако как далеко оно оказалось от реального!

Как я уже упоминал во вступлении, неоценимую помощь мне в исследовании архивных материалов оказало ЦАМО РФ, и это пролило дополнительный свет на историю нашего штрафбата. Это тот самый штрафбат, который *формировался одним из самых первых*, еще на Сталинградском фронте в 1942 году всего только через полмесяца после объявления исторического документа, приказа НКО № 227 от 28 июля 1942 года, получившего в армейской среде название *приказ Сталина «Ни шагу назад!»*. Ему, созданному в соответствии с приказом войскам Сталинградского фронта № 073 от 13.08.1942 года, предстоял особо долгий боевой путь от Сталинграда до Берлина. Вероятно, не следует вдаваться в подробности, почему именно на этом фронте началось формирование штрафбатов. Ведь именно там, на Волге, решалась тогда судьба нашей Родины – Советского Союза.

Именно тогда был сформирован наш штрафбат № 1. Первым командиром этого батальона был гвардии майор Григорьев Яков Федорович. Почти одновременно с ним формировался штрафбат Воронежского фронта и еще некоторые другие. На любом фронте, где потом появлялись штрафбаты, их нумерация для внутрифронтового пользования начиналась с № 1. Затем всем штрафным батальонам всех фронтов *уже в масштабах всей Красной Армии* были присвоены номера распоряжением Начальника Оргштатного управления ГлавУпраФорма Красной Армии № орг. /2/78950 от 25.11.1942 г. Присваивали номера начиная с правого, северного фланга. На Ленинградском фронте ОШБ получил номер 1-й, на Волховском фронте – 2-й, 3-й номер достался Калининскому фронту, 4-й ОШБ – Карельскому фронту, 5-й номер получил батальон Северо-Западного фронта, и так далее. Нашему батальону присвоили № 8, а батальону Воронежского фронта – № 9. Так сложилась военная судьба этих двух последних штрафбатов, что *они оказались в числе первых из созданных по приказу № 227 и последних дошедших до конца войны, до Берлина, до Победы*. И прекратили они свое существование после сдачи всех документов в архив в августе 1945 года, 8-й – под Берлином, и 9-й – под Прагой.

Гвардии майор Григорьев Я. Ф.

Первым комиссаром был батальонный комиссар Ларенок Павел Прохорович.

Я постоянно ишу документальные материалы о 8-м ОШБ. К сожалению, мне пока не удалось «добыть» более подробных сведений о первом комбате Григорьеве, но мои поиски иногда приводят к очень важным подробностям. В архивах газеты «Советская Россия» за 2007 год нашел статью о том самом батальонном комиссаре, Павле Прохоровиче Ларенке, присланную в газету его сыном, Анатолием Ларенком, к сожалению, уже покинувшим наш мир.

Комиссар Ларенок П. П.

Полагаю, он не был бы на меня в обиде, если часть его статьи я включу в эту главу, тем более, что *свидетельства первого комиссара* только усилят документальность моей книги. Вот некоторые фрагменты из воспоминаний комиссара Ларенка.

Фрагмент первый о том, как подбирались командиры и политработники в командный состав штрафбата. Я привожу его с некоторыми сокращениями:

«В первых числах августа 1942 года меня вызвали к начальнику политуправления фронта тов. Галаджеву. После непродолжительной беседы он предложил мне должность... комиссара штрафного батальона. Я согласился и через два часа был представлен командующему фронтом Рокоссовскому. Был час ночи, когда я впервые в жизни увидел прославленного

генерала. – Не струсите? – спросил Рокоссовский. – Это более опасная служба, чем в обычных частях. В бой поведете командиров. И сами пойдете рядом. – Не струшу, – ответил я.

Дальше разговор велся в непринужденной форме. Рокоссовский расспросил меня о родителях, о семье, которая оказалась на оккупированной территории, о службе в армии. Потом Рокоссовский вызвал адъютанта и распорядился подготовить два приказа: один – о присвоении мне звания батальонного комиссара (я был старшим политруком), другой – о назначении меня комиссаром штрафного батальона. Рокоссовский встал из-за стола, крепко сжал мою руку и поздравил с присвоением очередного звания и назначением на новую должность...»

Фрагмент второй – о дисциплине, вооружении и снабжении штрафников, искуплении ими вины:

«Дисциплина у нас была железная. Не помню ни одного случая неповиновения. Мы были хорошо вооружены, отлично обмундированы, ежедневно получали традиционные сто граммов. Ни в чем не было недостатка. Получивших ранение, даже незначительное, или совершивших героический поступок без промедления отправляли в тыл, он восстанавливался в прежнем звании. Если отличился в бою, награждался и по выздоровлении направлялся на фронт в обычную часть».

Далее Анатолий Ларенок рассказывает, что его отец в августе 1943 года был тяжело ранен. С поля боя его вытащил штрафник по фамилии Попельш, который сам получил ранение в ногу Их вместе доставили в госпиталь. Войну закончил в Берлине, там он встретился с... майором Александром Попельшем, который участвовал в штурме рейхстага. Так обычно складывались взаимоотношения офицеров-штрафников с офицерами постоянного состава. Примеров этому в моей книге читатель встретит немало.

А вот как был назначен в постоянный состав штрафбата майор Пиун Павел Ильич, воевавший в 8-м ОШБ с сентября 1942 года политруком минометного взвода, а после упразднения политруков – агитатором батальона:

«Офицерский состав 27 ОПРОСа Сталинградского фронта построили для получения назначений в боевые подразделения. Представитель кадрового аппарата фронта был, видимо, человеком, любившим пошутить. Объявив, что требуется командный состав в штрафной офицерский батальон, он спросил, есть ли добровольцы. Вперед никто не шагнул. „Тогда, – продолжил кадровик, – добровольцы такие-то выйти из строя”. И назвал несколько фамилий, в том числе фамилию Пиун».

Возвращаясь к первым дням формирования нашего штрафбата, можно утверждать, что «днем рождения» штрафного батальона, одного из первых в истории Великой Отечественной войны на Сталинградском фронте, надо считать не 15 августа, когда майор Григорьев, назначенный приказом по фронту, прибыл в батальон и издал приказ № 1 о вступлении в должность комбата, а 2 августа, буквально на 5-й день после издания приказа № 227. Хотя в перечне Генштаба ОШБ № 1 Сталинградского фронта его существование обозначено 1.08.1942 года, но именно 2 августа прибыла первая группа офицеров командного состава и стало поступать пополнение батальона в село Самофаловка Сталинградской области. Кто не помнит известной фразы Яшки-артиллериста из фильма «Свадьба в Малиновке»: «Был бы начальник, а гарнизон приложится». Здесь же вначале был «гарнизон», а его командир «приложился» только на 13-

й день. Вот он и продолжил формировать «гарнизон» и делал с ним первые шаги непростого боевого пути.

В этот же день комбат назначил своего заместителя, начальника штаба, помощника по снабжению, командиров рот и взводов, их замов, комиссаров рот и политруков взводов (по штату политработники были предусмотрены и во взводах, чего не было в обычных подразделениях).

Пользуясь тем, что мы располагаем сегодня ксерокопией приказа № 2, считаю целесообразным в основном привести его содержание, как документа по формированию *первого в истории Красной Армии штрафного офицерского батальона*, созданного по приказу «Ни шагу назад!».

ПРИКАЗ

По 1 Штрафному батальону Сталинградского Фронта

15 августа 1942 г. № 2 с. Самофаловка

По части строевой

§ 1

Прибывший 2.08.42 г. старший и средний начальствующий состав назначаю на следующие должности:

Капитан Чернявский Григорий Петрович – зам. командира батальона.

Капитан Лобань Григорий Иванович – адъютант старший.

Старший лейтенант Заборовский Николай Петрович – адъютант.

Капитан Черный Спиридон Григорьевич – командир 1 стр. роты.

Капитан Юхта Иван Лукич – командир 2 стр. роты.

Капитан Блинов Григорий Иванович – командир 3 стр. роты.

Лейтенант Носач Василий Антонович – заместитель командира 1 стр. роты.

Ст. лейтенант Новиков Александр Яковлевич – заместитель командира 2 стр. роты.

Ст. лейтенант Колитвинцев Михаил Андреевич – зам. командира 3 стр. роты.

Ст. лейтенант Лебедев Алексей Степанович – ком. 1 стр. взвода 1 стр. роты.

Лейтенант Титенко Иван Алексеевич – командир 2 стр. взвода 1 стр. роты.

Ст. лейтенант Пономарев Тихон Тимофеевич – командир 3 взвода 1 стр. роты.

Лейтенант Иванов Федор Андреевич – командир 1 стр. взвода 2 стр. роты.

Лейтенант Майский Владимир Васильевич – ком. 2 стр. взвода 2 стр. роты.

Лейтенант Пичугин Василий Григорьевич – командир 1 стр. взвода 3 стр. роты.

Лейтенант Соколов Евгений Леонидович – командир 2 ст. взвода 3 стр. роты.

Лейтенант Филиппов Василий Иванович – командир взвода снабжения.

Капитан Кучеренко Михаил Петрович – командир роты ПТР.

Ст. лейтенант Чесноков Степан Матвеевич – командир 1 взвода роты ПТР.

Лейтенант Терещенко Михаил Григорьевич – командир 2 взвода роты ПТР.

Военфельдшер Винник Даниил Акимович – командир санитарного взвода.

Интендант 3 ранга Перельман Яков Моисеевич – помощник командира по снабжению.

Техн. – интендант 2 ранга Измайлов Иван Петрович – начальник ПФС.

Техн. – интендант 2 ранга Кукоякин Стенарий Иванович – начальник ОВС.

Военврач 3 ранга Синонов Виктор Яковлевич – начальник санслужбы.

Начальникам ПФС и ОВС зачислить прибывший начальствующий состав на все виды довольствия согласно имеющихся аттестатов.

§ 2

Лейтенант госбезопасности Ефимов Павел Тимофеевич приступил к исполнению служебных обязанностей Оперуполномоченного Особого отдела НКВД Сталинградского фронта по обслуживанию 1 Штрафного батальона.

Командир 1 ОШБ Сталинградского фронта гвардии майор Григорьев

Военком батальона батальонный комиссар Ларенок

Начальник штаба капитан Лобань

Уже тогда батальону предписывалось иметь в своем составе три стрелковые роты по три взвода, роту противотанковых ружей (ПТР) двухвзводного состава. Для управления и обеспечения боевых действий были сформированы штаб, тыловые службы, хозяйственный и санитарный взводы. Несколько позже, когда стала совершенно ясной необходимость надежной охраны штаба с огромным количеством персональных документов (в том числе личных дел на каждого офицера-штрафника), было предусмотрено иметь и комендантский взвод. При этом все эти отдельные взводы обеспечения и охраны комплектовались рядовыми и сержантами постоянного состава. Даже в самих ротах штрафников были не только старшина роты и писарь-каптенармус из постоянного сержантского состава, но по самому первому штатному расписанию полагалось еще и отделение (5–6 человек) санитаров-рядовых во главе с санинструктором-сержантом.

Когда командовал ротой уже я, в роте, кроме офицеров, были из постоянного состава только старшина да писарь-каптенармус. Еще раньше в ротах штатные санитарные отделения комплектовали не санитарями-рядовыми, а штрафниками из числа женщин. В дальнейшем и это положение претерпело изменения, оказание помощи раненым возложили на самих бойцов, выдавая на каждое отделение дополнительное количество ИПП (индивидуальных перевязочных пакетов) и равномерно распределяя по подразделениям медицинских специалистов из числа штрафников, так как направление в штрафбаты женщин со временем было прекращено.

О том, насколько строго подбирался командный состав в боевые подразделения батальона, говорят и следующие документы:

ПРИКАЗ

по 1 ОШБ № 8 от 21.08.1942 г.

...Находящиеся на должности командиров взводов Манский Владимир Васильевич и Соколов Евгений Леонидович показали себя неинициативными, слабо подготовленными, нетребовательными командирами, что не дает возможности справляться со взводами 1 Штрафного батальона. Лейтенантов Майского В.В. и Соколова Е.Л. от должности командиров взводов отстраняю с направлением в распоряжение Отдела кадров. Одновременно прошу Отдел кадров прислать замену.

Командир 1 ШБ гв. майор БУРКОВ,
батальонный комиссар ЛАРЕНОК,
начштаба капитан ЛОБАНЬ

Или вот выписка из другого приказа по штрафному батальону:

За попытку уклонения от командировки к передовой линии фронта, командира стрелковой роты капитана Юхту Ивана Лукича от занимаемой должности отстраняю, направляю в Отдел кадров Фронта и ходатайствую перед Военным Советом о снижении его в воинском звании до лейтенанта.

Первый бой батальона, вернее только роты, сформированной из имеющегося в нем личного состава, произошел 9-10 октября 1942 года. На этот бой командир батальона получил Боевое распоряжение Донского фронта № ОУ/0127 от 2.10.42 г. и в тот же день издал приказ № 47:

1 Сформировать маршевую роту численностью 116 человек <...> с вооружением: станковых пулеметов – 2, ручных пулеметов – 12, ППШ – 36, винтовок – 60. В 16.00 отправить по маршруту <...> и к исходу 3.10.42 сосредоточиться в Садки.

2. Для сопровождения роты и передачи ее в распоряжение командующего 24 Армией выделяю своего заместителя – капитана Чернявского...

Я специально привожу текст этого приказа, чтобы дезавуировать вымыслы досужих сочинителей о том, что штрафников гнали в бой даже без оружия. Обратите внимание: на 116 человек – 110 единиц стрелкового вооружения, не считая наганов, полагавшихся первым номерам пулеметных расчетов. При этом автоматического оружия – 50 %! Да, к слову, и никаких заградотрядов: сопровождает роту штрафников всего-то один капитан, заместитель комбата. Первые боевые потери: погибли три штатных офицера (командир роты капитан Блинов Григорий Иванович, командиры взводов лейтенанты Герасимов Александр Прокопьевич, Иванов Федор Андреевич) и 21 офицер-штрафник.

Обратите внимание еще на один документ ЦАМО РФ:

ПРИКАЗ

по 1-му ОШБ № 70 от 26.10.1942 года.

Полагать убывшими в Действующую армию 1-ю стрелковую роту в составе:

Комсостава — 14 чел.; младшего начсостава и рядовых – 3 чел.

Переменного состава – 37 чел.; итого – 54 чел.

Слова «в Действующую армию» подчеркивают, что все остальные числящиеся в штрафбате к боевым действиям не были причастны. Да и рота в 37 бойцов – это фактически полный взвод, но некогда, наверное, было ждать достаточного пополнения, хотя со времени отправки роты в составе 116 бойцов прошло три недели.

Вероятнее всего, еще даже не полностью сформированную роту тоже потребовалось «пустить в дело». Не так уж много было тогда «проштрафившихся» офицеров, хотя время под Сталинградом было напряженное. Зато на 37 бойцов – 14 офицеров постоянного состава! Все-таки «активные штыки»!

Первые серьезные боевые потери наш штрафбат (вернее, его одна рота) понес на высоте 108,4 в районе села Котлубань в полосе действий 24-й армии генерала Галанина Ивана Васильевича.

Уже значительно позднее, изучая труды военачальников, я обнаружил в книге генерала Горбатова «Годы и войны», что он, получив тогда назначение заместителем генерала Галанина,

постоянно держал под контролем наиболее ответственные участки 24-й Армии. Конечно, в этой книге из цензурных соображений ничего нет о штрафбатах. Только в значительно более позднем издании 2008 года упомянут наш 8-й ОШБ. Но мне кажется вполне естественным, чтобы А. В. Горбатов, с его неугомонным характером, да еще имевший за плечами годы лишения свободы, поинтересовался и участком, на котором впервые действовала только что сформированная рота офицерского штрафного батальона. Это допущение я делаю на основе того внимания к штрафбату, которое проявил Александр Васильевич при действиях нашего штрафного батальона в составе его 3-й армии при освобождении белорусского города Рогачева в феврале 1944 года. Там командарм Горбатов проявил истинную заботу о сохранении и досрочном освобождении штрафников за боевые заслуги «без пролития крови». Но об этом подробнее в свое время.

Из донесений 8-го ОШБ (фонды ЦАМО РФ) можно представить тогдашний штрафной контингент. Например, за период со 2.10.1942 по 1.01.1943 года в батальон поступил всего 331 человек: 154 осужденных военными трибуналами и 177 – по приказам комдивов и выше – за трусость, неустойчивость и другие преступления на поле боя. За это же время было 71 убитый и 138 раненых (209 человек или более 60 %!). Они, как говорят, искупили свою вину, кто кровью, а кто и жизнью. А вот еще один документ из Архива Минобороны, донесение начштаба 8 ОШБ начальнику Отдела укомплектования Донского фронта № ОУ/027:

Доношу, что рота, сформированная в количестве: старший и средний начсостав — 16, младший начсостав – 2, рядовых — 1, переменников – 111,
12 января 1943 года в 5.00 отправлена в распоряжение 252 сд 65 А для выполнения боевых задач.

НШ 8 ОШБ майор Лобань

Как видно, батальон едва успевал формировать полнокровные роты, а их уже ждали боевые задачи. Кстати сказать, 8-й штрафбат за свою боевую историю по крайней мере трижды передавался в 65-ю армию для выполнения боевых задач, но каждый раз штрафники чувствовали неприязненное отношение командарма Батова.

Читателю, безусловно, интересно, какая категория офицеров попадала в штрафники. Вот несколько цифр из другого донесения за период с первых дней существования 1-го ОШБ Донского фронта по 30 декабря 1942 года:

Начальники штабов дивизий, бригад и им равных – 6
Командиры полков, батальонов, дивизионов – 27
Командиров рот, батарей взводов, зам. ком. рот — 152
Штабных офицеров полка, батальона – 12
Политработников – 37
Офицеров военно-воздушных сил – 24
Начальников служб, складов, арт. и автотехников — 17
Работников райвоенкоматов, военторга – 2
Секретарь Военного трибунала – 1
Оперуполномоченный Особого отдела НКВД — 1

По воинским званиям:

Полковник и равные ему – 1
Подполковник и равные – 4
Майор и равные – 5
Капитан и равные – 26
Старший лейтенант и равные – 44
Лейтенант, младший лейтенант и равные – 199

Лейтенант госбезопасности – 1

Как видно из приведенных списков, «неприкасаемыми» не были ни политработники, ни сотрудники военных трибуналов, ни даже уполномоченные особых отделов. А вот бывших военнопленных тогда еще в штрафбате не было. Они в значительном количестве появятся позже, когда наши войска станут освобождать временно оккупированные территории.

Во исполнение приказа № 09/125 от 30.09.1942 года командующего войсками Донского фронта генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского, 1-й ОШБ переведен с временного на постоянный штат № 04/393. Этим же приказом личный состав расформированного 2-го ОШБ в количестве 36 человек передавался в состав 1-го ОШБ.

Было, значит, вначале сформировано в составе Донского фронта *два* штрафных батальона, в пределах норм, установленных приказом № 227, но, видимо, сам приказ уже сработал на укрепление дисциплины, и подходящего числа трусов и паникеров не доставало, чтобы заполнить всю предусмотренную емкость штрафбатов до 800 человек! И свели эти *два* штрафбата в единый. При этом переведенных из *второго* оказалось всего 36 человек вместе с командным составом!

Майор Бурков Д. Е.

Менее чем через 3 месяца, 3 ноября 1942 года произошла смена комбатов. В должность командира 1-го штрафбата на основании Приказа войскам Донского фронта № ОКФ/ЗОЮ вступил майор Бурков Дмитрий Ермолович. Но Бурков в свою очередь был заменен только более чем через 7 месяцев. Видимо, твердых норм здесь не существовало. Все диктовалось обстановкой.

Теперь еще раз о том, как штрафные офицеры освобождались от наказания и смывали кровью свою вину перед Родиной. Ходили упорные слухи о штрафниках как о «париях войны», то есть «отверженных, бесправных, жалких», как трактуется это слово в толковом словаре русского языка Д. И. Ушакова. Многие современные СМИ и теперь продолжают муссировать подобного рода «факты».

Но вот пока один из многих документов, донесение командира 1-го ОШБ за ноябрь 1942 года, где «переменниками» называются штрафные офицеры, ставшие на время пребывания в штрафбате «временными солдатами»:

21 ноября 1942 года пали в бою 3 замкомвзвода¹ и 5 переменников, ранены 1 комроты, 2 комвзвода и 11 переменников. 22 ноября погибло 3, ранено 10 переменников, 27 ноября ранено 17 переменников. 29 ноября из батальона, по результатам предыдущих боев, отчислено: по ранениям – 18 чел.; досрочно, как проявивших себя в боях – 5 чел.; отбывших срок – 9 чел.

Этот документ ЦАМО РФ опровергает слухи о том, что штрафникам тогда было лишь два выхода: ранение или смерть. Как видно из этого донесения, были еще и третий, и даже четвертый выходы – проявить себя (как надо!) в бою и, наконец, по истечению «отмеренного» срока.

О звании штрафников. Я много раз слышал, будто в других штрафбатах просто к бывшему воинскому званию штрафника добавлялось слово «штрафной» (например, «штрафной майор») или вообще все именовались «штрафными рядовыми». Не знаю, было ли такое решение «местным», в каждом батальоне свое, но у нас в батальоне и, как мне удалось установить, в других штрафбатах, например в 9, 10, 14 и 16 ОШБ, был такой порядок: официально было принято название всех штрафников одинаково: «боец-переменник». Как говорили ветераны, видимо по инициативе генерала Рокоссовского К. К., чтобы лишний раз не травмировать психику «временных солдат», не подчеркивать их «штрафное» положение, едва ли способствующее их «перевоспитанию», было принято всех, относящихся к переменному составу батальона, называть именно «бойцами-переменниками», а не «штрафниками». К своим командирам они обращались, как обычно принято в армии, например «товарищ капитан», а не «гражданин начальник», как это демонстрировали киношники в телесериале «Штрафбат» Володарского-Досталя, или «гражданин капитан», как утверждают многие писатели, не знающие истинной правды о штрафбатах. Видимо, они полагают, что штрафные формирования – это не что иное, как военная тюрьма на фронте, со всеми тюремными или лагерными манерами. Бедная же у них фантазия!

Вскоре, когда формирование штрафбатов по фронтам и штрафных рот по армиям было приведено в порядок в масштабе всей Красной Армии, 1-й штрафбат Донского фронта, как и все другие на других фронтах, получили единую нумерацию. Приказом по батальону № 120 от 14.12.1942 года было объявлено, что «на основании Распоряжения начальника Оргштатного Управления Главного Управления Формирования Красной Армии № ОРГ/2/789500 от 25.11.1942 года, Отдельному Штрафному батальону Донского Фронта присвоен № 8».

Ко времени Курской битвы батальон состоял из штаба, трех стрелковых рот, роты автоматчиков, пулеметной, минометной и роты противотанковых ружей, взводов комендантского, хозяйственного, связи. Был в батальоне и медико-санитарный взвод с батальонным медпунктом. И, конечно же, представитель «Особого отдела СМЕРШ» (Смерть Шпионам). В мою бытность этим уполномоченным был старший лейтенант Глухов. Каково было его воинское звание «по линии госбезопасности», не помню, в чем состояла его работа, просто не вникал и с ним не контактировал.

Оклады денежного содержания офицерам постоянного состава были установлены штатным расписанием и составляли:

Командир батальона и его заместитель по политчасти.....	1900 рублей ²
Заместители командира батальона по строевой части.....	1300 рублей
Начальник штаба бата-	
льона.....	1200 рублей

¹ Замкомвзводами тогда еще назначались офицеры постоянного состава.

² Повышенное денежное содержание замполитов в отличие от просто заместителей обусловлено, по-видимому, тем, что оно было установлено, когда эта категория политработников состояла еще в ранге комиссаров.

Помощники начальника штаба (ПНШ).....	1000 руб-
лей	
Командиры рот, их заместители по политчасти.....	1000 рублей*
Заместители командиров рот.....	
900 рублей	
Командиры взводов в ротах, ком. санвзвода (врач), другие ПНШ...	800 рублей
Фельдшер медпункта батальона.....	750
рублей	

Оклады наших ротных и взводных командиров были на 100 рублей выше, чем в стрелковых батальонах, то есть такие, как в гвардейских частях. Это и послужило поводом для шутки о том, что наш батальон – «почти гвардейский!». О штатной структуре батальона того времени написал мне в своих памятных записках и мой фронтовой друг по штрафбату Петр Загуменников, привлеченный к формированию батальона перед Курской битвой. Тогда, подтверждал он, в каждой роте и каждом взводе, кроме командиров, предусматривались офицерские должности заместителей по строевой части и комиссаров рот и политруков взводов. Вскоре офицерские должности комиссаров рот, заместителей командиров взводов и политруков этих подразделений упразднили.

Я никогда не имел личного представления об *армейской штрафной роте*, поэтому тут же расскажу и о ней с публикации полковника юстиции Андрея Мороза в «Красной звезде» 11 апр. 2007 года: «Штатом роты, кроме командира и его заместителя, предусматривались должности трех командиров взводов, трех их заместителей по строевой части, заведующего делопроизводством – казначея и фельдшера в офицерском звании. Предусматривался и внушительный состав политработников: военный комиссар, агитатор роты и три взводных политрука. В октябре, после восстановления в Красной Армии единоначалия, политработники начали поступать уже не военными комиссарами и политруками, а заместителями командиров по политчасти».

Видимо, такое значительное насыщение командного звена и политсостава штатными офицерами в штрафных подразделениях предполагалось исходя из того, что иначе управляться со штрафниками, а в штрафбате особенно, где все они в бывших офицерских званиях до полковника, будет невозможно. Однако, как оказалось, эта проблема была перестраховочной, и в ротах оставили по одному «строевому» заместителю, и то не всегда, во взводах же их вообще заменили двумя замкомвзводами из числа самих штрафников.

Правда, подобное сокращение такого количества намечавшихся ранее политработников в батальоне, оказывается, позволяло содержать сравнительно большой политаппарат при заместителе комбата по политчасти. За все время моей службы в штрафбате я так и не понял, чем же эта масса политработников, за исключением отдельных энтузиастов, бывавших в наших подразделениях в любой обстановке, занимается.

Вот в таком, уже «причесанном» по опыту боев, штрафном *офицерском* батальоне я и оказался в декабре 1943 года. Еще раз утверждаю, что *не офицерских штрафбатов в те годы на фронте просто не могло быть*, если только местное командование не шло на какое-нибудь упрощение, выгодное на данный момент! И попытки некоторых, с позволения сказать, «историков» навязать мысль о том, что из штрафных рот формировались штрафбаты, из них штрафные полки, а из последних даже штрафные дивизии и чуть ли не целые штрафные армии, не более чем бред психически нездоровых людей. А этими «откровениями», например, пытались убедить телезрителей авторы «документального» фильма «Воры в законе», кажется, еще в 2003 году.

Поскольку я находился в штрафбате только с конца 1943 года, то боевых действий батальона до этого времени буду касаться лишь по документам Центрального архива Министерства

обороны (ЦАМО РФ). Помогли мне в этом и воспоминания моих «одноштрафбатовцев», в том числе того же Петра Загуменникова, а также бывшего штрафника, полковника в отставке Семена Басова, угодившего в «переменники» нашего штрафбата под Курском, как и многие другие из числа бежавших из немецкого плена, или вышедшие из окружения не в составе подразделений, или длительно пребывавшие на оккупированной территории и не участвовавшие в партизанском движении.

Восьмой Отдельный штрафной (офицерский) батальон, как я уже говорил, начал свою «биографию» как 1-й ОШВ Сталинградского, а затем Донского и Центрального фронтов. На этом фронте ему предстояло принять участие в Курской битве уже *не поротно*, как прежде, а *в составе батальона по полному штату*, до 800 человек, как это было определено приказом № 227. Стал он таким в конце марта 1943 года в селе Змиевка, недалеко от города Орел. Постоянный состав управления батальона и его подразделений пополнялся в основном за счет офицеров, получивших боевой опыт в Сталинградской битве. А пополнение переменным составом шло обычным, «явочным» порядком, когда штрафники самостоятельно прибывали в батальон, и даже целыми подразделениями, сформированными при запасных полках. Так 26 апреля 1943 года комбат, тогда еще майор Бурков, в приказе по батальону № 115 записал: «Сформированную новую роту штрафников при фронтовом запасном полку, подчинить мне».

Вот тогда, когда батальон был пополнен по полному штату до 800 человек и в нем было уже 7 полнокровных рот, у комбата (штатная категория «полковник») стало два общих заместителя, начальник штаба и замполит (по штатному расписанию «подполковники»), а также помощник по снабжению. У начальника штаба – уже четыре помощника (ПНШ-1, -2, -3, -4) – майоры. Можно только представить, сколько штабной, канцелярской работы по учету офицерских документов, личных дел, всякого рода аттестатов, приговоров, постановлений на почти тысячу офицеров с учетом текучести переменного состава... Поэтому и штат штаба такой, да еще много делопроизводителей, писарей.

В каждой роте могло быть до 200 бойцов, и роты эти по численному составу фактически приближались к обычному стрелковому батальону. Таким образом, штрафбат в полном составе скорее приближался к стрелковому полку, тем более что полки-то первого эшелона почти никогда не бывали укомплектованными полностью. Штатная должность командира роты – майор, его заместителей и командиров взводов – капитан, что на одну ступень выше, чем в обычных частях. И дисциплинарная власть всех командиров подразделений по отношению к штрафникам, которые на время пребывания в штрафбате приравнивались к рядовым, была также соответственно выше на ступень. Командир батальона по отношению к штрафникам имел власть командира дивизии, то есть мог за какие-нибудь провинности назначать новые или дополнительные сроки пребывания в штрафбате, предавать суду военного трибунала и т. д.

Батальон начал формировать по полному штату под Курском еще майор Бурков, но когда штрафбат стал приобретать вид самостоятельной боевой единицы, способной выполнять автономно боевые тактические задачи, командование Фронтом решило передать его в руки более опытного командира. *Приказом войскам Центрального фронта № 0272 от 11.05.1943 года командиром 8-го Отдельного штрафного батальона назначается подполковник Осипов Аркадий Александрович.*

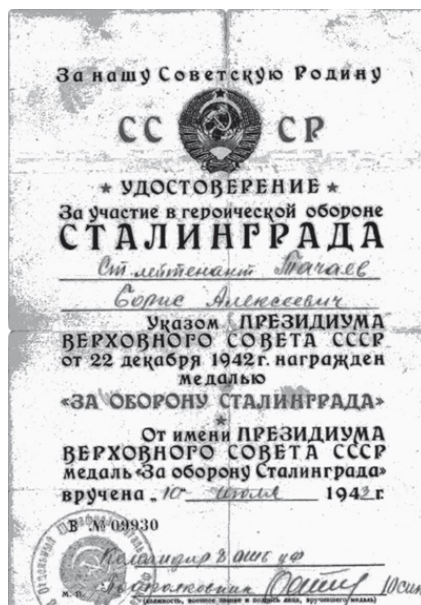
К концу мая батальон был в основном сформирован и занял оборону в составе 7-й Литовской стрелковой дивизии на участке Малоархангельское (Орловской области) – Поныри (Курской области), где в начале Курской битвы и принял боевое крещение уже в полном штатном составе, как полнокровная самостоятельная боевая единица. Здесь, на Курской дуге, *впервые штрафной батальон был введен в бой по штату № 04/393* и в упорных, жестоких боях в течение почти двух месяцев надежно держал оборону. Под командованием подполковника А. А. Осипова 8-й ОШ Б отстоял позиции, отведенные ему. Здесь приведу один приказ по батальону,

которым буквально за три дня до перехода в наступление комбат Осипов поднял дух личного состава.

Подполковник Осипов А. А.

Фотокопия «Удостоверения за участие в героической обороне Сталинграда»

ПРИКАЗ

по 8 Отдельному штрафному батальону Центр, фронта
№ 160

12 июля 1943 г.

Д. Армия

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 22 декабря 1942 г. за участие в героической обороне гор. Сталинграда награждены медалью «За оборону Сталинграда» бойцы, командиры и политработники 8 Отдельного штрафного батальона ЦФ.

Вручая высокую награду от имени Президиума Верховного Совета Союза ССВ выражаю полную уверенность, что личный состав батальона с коварным врагом всего человечества – немецким фашизмом покажет образцы мужества и отваги. (Медали «За оборону Сталинграда» вручаю согласно прилагаемого акта на выдачу таковых.)

Командир 8 ОШВ ЦФ подполковник Осипов

Начальник штаба капитан Рубилов

15 июля, прорвав вражескую оборону, батальон перешел в наступление на Тросну. Уже в первые дни наступления штрафбат понес существенные потери: *погибло 88, пропало без вести 23, ранено 159.*

Ранее, как уже говорилось выше, в бой отправлялись не только отдельные роты численностью 100 и более человек, как это было в первом бою в начале ноября 1942 года, но и малокомплектные роты численностью едва более 50 человек. Иногда вводились в бой и усиленные роты, в состав которых, кроме стрелковых взводов, входили, в зависимости от обстановки, пулеметный взвод, взвод ПТР и даже взвод от роты 82-мм минометов.

Тогда из штатных 100 офицеров постоянного состава в батальоне недоставало 31. А из положенных по штату 769 штрафников числилось 698, то есть недоставало всего чуть больше 9 %. В числе «бойцов-переменников» находились только 39 по приказам командиров, зато 207 – по приговорам военных трибуналов и 452 *бывших в плену, окружении и на оккупированной территории* (почти 65 %!), или, как мы их всех потом привыкли называть, «окруженцы», избегая термина «пленные» и т. п. Вот они и были тогда, оказывается, основной составляющей штрафбата! Среди бойцов-переменников к началу Курской битвы находилось и 8 женщин. Это потом, говорят, было личное указание командующего фронтом генерала Рокоссовского о запрете направлять в штрафные формирования женщин, которое впоследствии было узаконено специальной директивой Генштаба.

Вот некоторые данные о составе штрафников батальона по родам войск и служб, воевавших на Курской дуге:

Пехотных командиров.....	270
Артиллеристов и минометчиков	131
Офицеров бронетанковых войск.....	22
Офицеров инженерных подразделений.....	17
Офицеров военно-воздушных войск.....	8
Связистов.....	38
Кавалеристов.....	9
Офицеров остальных родов войск и служб.....	79
Офицеров политсостава, юристов.....	59
Административной и интендантской служб.....	65

А вот данные о штрафниках того времени по возрасту (полных лет):

18–21	65
22–26	188
27–31.....	234
32–36.....	117
37–46.....	86
47 и старше.....	8

Таким образом, в то время самый «популярный» возраст штрафников – от 22 до 36 лет, что составляло 77 % от всего переменного состава. Наверное, тогда эта цифра соответствовала и составу всего офицерского корпуса Красной Армии.

Теперь некоторые данные о вооружении батальона.

Передо мной «Донесение о численном и боевом составе 8 Отдельного штрафного б-на ЦФ по состоянию на 30 июня 1943 года». Если по штату батальону полагалось 435... винтовок, то в наличии было на 100 больше, правда, автоматов вместо 139 имелось на 44 меньше. Ручных пулеметов было 27, что полностью покрывало потребность 9 стрелковых взводов в трех ротах. Противотанковых ружей – 16, ротных 50-мм минометов – по одному на каждый взвод и т. д. Эти данные для тех, кто пытается убедить, что штрафников гнали в атаку даже вовсе безоружными.

Ну и еще в дополнение к этим цифрам: лошадей в батальоне был тогда некомплект. Вместо 49 предусмотренных по штату имелось только 29. Зато было два грузовых автомобиля. Это потом, с ходом боевых действий парк автомобилей прирастал неуклонно. Между прочим, в батальоне даже был один легкий танк! Но, скорее, он не был боевой единицей, а представлял собой «гордость» батальона, так как ни я, ни кто-либо из моих сослуживцев не помнил, чтобы этот танк участвовал в боевых действиях. По слухам, этот советский танк был подбит немцами, экипаж его погиб, а штрафники-танкисты восстановили его собственными силами. И вот он даже «вошел в штат» батальона. Надо, однако, уточнить, что эти данные взяты из донесения штаба батальона, когда штрафбат стоял в обороне полтора месяца перед знаменитой Курской битвой.

Знакомый уже читателю военинженер 3-го ранга Басов, бывший тогда штрафником 8-го ОШБ, в этих боях был ранен в голову. Как он рассказывал, рану перевязал ему его командир взвода, вскоре погибший в тех же боях (фамилия его накрепко у Басова забылась). По возвращении в батальон после госпиталя Басов был ознакомлен с приказом командующего Центральным фронтом за подписями генерала армии Рокоссовского и члена Военного совета фронта генерала Телегина, и вручили ему выписку из этого приказа. Вот она:

**ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА
ВОЙСКАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА
№ 0601**

25 августа 1943 г.

Действующая Армия

В соответствии со статьей 18 Приказа Наркома Обороны СССР № 298 от 28.09.42 г. переменный состав 8 Отдельного Штрафного батальона Центрального Фронта, проявивший в боях на фронте мужество, отвагу и получивший ранение в бою, отчисляется из Штрафного батальона, восстанавливается в правах начальствующего состава и препровождается на ранее занимаемую должность:

3. Бывший инженер технической роты 409 Отдельного Строительного батальона Киевского Укрепрайона военинженер 3 ранга тов. Басов Семен Емельянович, 1915 года рождения г. Фатеж Курской области, русский, служащий, образование высшее общее, Ленинградский автомобильно-дорожный институт в 1938 году, военного не имеет, в Красной Армии с 1941 года, в батальон поступил 11.05.43 г. на 2 месяца по решению Комиссии в соответствии с Директивой Военного Совета Центрального Фронта № 00553 от 11.03.43 г., в боях действовал смело и решительно, будучи наблюдателем, смело выдвигался за траншеи переднего края, своим наблюдением добывал ценные сведения. В бою проявлял решительность, мужество и стойкость,

выдвигался за передовые траншеи переднего края, доставлял ценные сведения о противнике. 15 июля 1943 года ранен и госпитализирован.

Командующий войсками, Генерал армии РОКОССОВСКИЙ
Член Военного Совета Центрального Фронта, Генерал-майор ТЕЛЕГИН
Верно: Зав. делопроизводством 8 ОШБ ЦФ лейтенант а/с Хмелев И. Г.

Прибыв в часть, которая была определена ему в Инженерном управлении фронта, Басов С. Е. был восстановлен уже в новом звании – «инженер-капитан».

Бывший штрафник, военинженер 3-го ранга Басов С. Е.

Бои на Курской дуге, как и ранее, показали беспримерную стойкость штрафного батальона, его способность вести решительное наступление и, несмотря на значительные потери, упорно пробиваться вперед. В Курской битве батальон *потерял только в день начала наступления погибшими 55 и ранеными 84 штрафника*, а за неделю боевых действий в списке погибших оказалось еще 53 и пропавших без вести – 23 «переменника».

Приказы о восстановлении в правах офицерского состава и воинских званиях составлялись отдельно по погибшим, раненым, освобожденным досрочно за подвиги, проявленные на поле боя, и по тем, кто отбыл определенный за преступление срок пребывания в штрафном батальоне.

Вот, например, пункт 2-й из приказа по батальону № 167 от 2.08. 43 г., изданного сразу же, по горячим следам боев на Курской дуге, и подписанного комбатом, подполковником Осиновым:

На основании приказов Военного Совета Центрального Фронта
отчислить из батальона переменный состав:

по приказу № 0615 получивших ранения в бою – 159 человек;

по приказу № 0616 досрочно отчисляемые, как особо отличившиеся в боях – 68 человек;

по приказу № 0617 погибшие в боях – 88 человек. Согласно
пофамильного списка.

Чтобы читатель представил себе сравнительные цифры потерь, приведу данные из донесения штаба 8-го ОШБ за 19 сентября 1943 года о потерях противника в его полосе: «Убито оберофицеров – 12, унтерофицеров – 41, солдат – 450. Взято в плен – 1 солдат».

Как видите, штрафники, как правило, в плен немцев не брали, а уничтожали их. Нужно сказать и о том, что некоторых штрафников, особо проявивших себя в боях, командование батальона рассматривало (с учетом их желания и согласия) на замещение вакантных должностей офицеров постоянного состава.

В том же приказе по 8-му ОШБ № 167 от 2.08.1943 года в параграфе 4 записано:

Восстановленных во всех правах офицерского состава, допустить к исполнению обязанностей

– командира взвода младшего лейтенанта Ляхова Василия Николаевича, лейтенантов Соклакова Алексея Иосифовича, Краснова Александра Васильевича;

– фельдшера батальона – военфельдшера Деменкова Ивана Климовича.

Боевой путь 8-го ОШБ начался, как известно, еще на Сталинградском фронте, проходил далее в жесточайших сражениях на Донском и Центральном фронтах, а начиная с Курской битвы – по землям Курской области, Северной Украины, включая бои за Путивль, Буринь и далее по Сумской и Черниговской областям до Днепра, с получением пополнения в ходе боев. И только в районе Чернигова впервые после боев на Курской дуге батальон был выведен на отдых и доформирование в село Добрянка. Надо сказать, что большие потери вынудили командира батальона Осипова прибегнуть к прежнему способу поротного боевого применения. Так приказом № 200 от 6.09.1943 года была сформирована и передана в распоряжение командира 24-го стрелкового корпуса усиленная рота, состоящая из трех стрелковых взводов, взводов автоматчиков, пулеметного, противотанковых ружей и даже взвода 82-мм минометов! Численность такой роты *составляла 306 штрафников и 11 офицеров*. Это же почти обычный стрелковый батальон! Ей было передано 4 пароконные повозки и (важная деталь!) – только ОДНА пехотная кухня. Естественно, она не могла обеспечить горячей пищей роту такой численности, и понятно, что эта усиленная рота вставала на кухонное и прочее довольствие в части 24-го корпуса, а собственную походную кухню комбат Осипов выделял «на всякий случай». И это была важная деталь характера комбата, проявлявшего заботу о подчиненных в любой обстановке.

Таким образом, батальон, получая пополнение на ходу, непрерывно вел бои, то в полном составе, то поротно. Не прекращались в это время и операции по реабилитации *искупивших свою вину* офицеров, какой бы она ни была. Получив непродолжительный отдых в с. Добрянка, пополнившись бойцами-переменниками, вооружением и боеприпасами, батальон был переброшен на Лоевский плацдарм для его расширения и углубления.

Отсюда начинаются боевые действия 8-го офицерского штрафного батальона по освобождению Белоруссии от фашистской оккупации. Как отмечалось в военно-исторической литературе об этом периоде боевых действий, бойцы дрались отчаянно. Понимая, что для многих из них эти бои станут последними, они шли вперед, выполняя приказ. Несмотря на сравнительно большие потери, батальон в составе войск 65-й армии успешно справился с новой задачей (как покажет время, пребывание в составе армии генерала Батова оставляло и более горькие воспоминания). В результате этих боев 17 октября 1943 года был освобожден город Лоев, штрафбат перешел в наступление по направлению к Гомелю. В эти дни Центральный фронт был переименован в Белорусский, и батальон перешел вначале в состав 53-й армии генерала Колпакчи В. Я., а впоследствии – в состав 48-й армии генерала П. Л. Романенко.

С боями штрафбат дошел до города Речица и в составе 132-й стрелковой дивизии участвовал в завершении окружения Гомельской группировки немцев. Однако с боями в Гомель наш штрафбат не входил, а был выведен из боя буквально у самых его окраин. Ну конечно, нельзя было разрешить штрафбату участвовать в освобождении такого крупного областного

центра Белоруссии! Да, как показали события, и в другие, менее крупные города батальону входить как освободителю тоже было непозволительно...

После освобождения Гомеля войсками армии (26.11.1943) батальон, по воспоминаниям Петра Загуменникова, маршем прошел через этот город, вышел в район села Майское Жлобинского района и занял там оборону на левом берегу Днепра. Вскоре после двухчасовой арт-подготовки войска перешли в наступление, и батальон продвинулся на четыре-пять километров. Но случилось так, что соседи справа и слева продвинуться не смогли, и штрафбат остался с открытыми флангами. Этим сразу же воспользовался противник, начав окружать и отрезать штрафбат. Провившись с тяжелыми боями из окружения, после больших потерь батальон снова был поставлен в оборону. Вот туда, в этот уже оборонявшийся штрафбат, с группой офицеров из резерва фронта прибыл и я в середине последней декады декабря 1943 года. Оказавшись на передней линии фронта, на самой что ни есть передовой, в голову, занятую освоением всего, что было в новинку, совершенно не приходило сознание того, что через несколько дней наступит Новый, 1944 год.

Это потом, 60 лет спустя, в книге «Памяць» («Память»), подаренной мне руководством Жлобинского района Гомельской области, нашел подтверждение факт, что там, под Жлобином, кроме нашего батальона, действовал еще и срочно сформированный 33-й ОШБ, командиром которого был назначен заместитель командира нашего штрафбата майор Мурза И. М. Потом, когда Белорусский фронт был разделен на Первый и Второй Белорусские, мы предполагали, что этот штрафбат передан в состав 2-го Белорусского, а наш 8-й остался у генерала Рокоссовского. Действительность оказалась другой.

В весьма сокращенном собственном переводе с белорусского я приведу здесь статью Б. К. Андрушкевича из «Книги Памяти» Жлобинского района об этом 33-м штрафбате. О нем многие мои товарищи по фронту, служившие в 8-м ОШБ, что-то слышали, но подробностей не знали. Вот что было в этой статье:

«33-й Отдельный фронтовой штрафной батальон на Жлобенищине.

33 ОШБ скрытно провел ускоренный ночной марш и вышел в район 20–25 км восточнее Жлобина с задачей оседлать дорогу на Жлобин. Перед батальоном немецкая оборона представляла три сплошных траншеи, 30 пулеметных гнезд, 6 дзотов с тяжелыми перекрытиями и множество блиндажей. Перед траншеями были проволочные заграждения в 3 ряда, противопехотные и противотанковые минные поля. На рассвете 22 декабря 1943 года после залпа „катюш” батальон пошел в атаку, пустив в ход „карманную артиллерию”. Первая рота В. И. Козырева смело и напористо ворвалась в траншею и, прокладывая путь гранатами, итурмом овладела селом Майское, создав условия для продвижения всего батальона. Комбат майор Мурза умелым маневром захватил Малые Козловичи, где батальон встретился с танками противника. В этом бою особо отличился боец Прохоров. Он, вооруженный бутылками с горючей смесью, пополз навстречу танкам. Но одна бутылка, разбитая вражеской пулей или осколком, вспламенилась. Прохоров вспыхнул, как факел, но не повернул назад, а, встав во весь рост, рванулся к танку и упал на него, разбив о броню вторую бутылку. Танк загорелся. Задача батальона была выполнена. Военный Совет Белорусского фронта отметил героизм и мужество 33-го ОШБ и снял судимость со штрафников, которые были восстановлены в офицерских званиях, назначены на командные должности. 33-й ОШБ обеспечил успех 348 стрелковой дивизии. (Подчеркнуто мною. – А. П.)

Б. К. Андрушкевич»

К сожалению, я не располагал тогда точными документальными данными о 33-м штрафбате, когда он сформирован и какова его дальнейшая судьба. Однако, по имеющимся у меня теперь архивным документам, известно:

Первое: 8 декабря 1943 года распоряжением штаба фронта на должность командира 33-го штрафного батальона был направлен заместитель полковника Осипова, комбата нашего 8-го ОШБ, майор Мурза Илья Митрофанович, прибывший в наш штрафбат вместе с Осиповым с должности зам. командира полка. Вместе с ним убыл в 33 ОШБ командир 1-й роты капитан Калитвинцев Михаил Афанасьевич, ставший там начальником штаба, а также еще несколько офицеров с разных командных должностей. После событий, изложенных Андрушкевичем, майор Мурза 16 января 1944 года передал батальон подполковнику Кащенко, которому досталась честь расформировать этот героический батальон, а сам убыл на курсы командиров полков.

Здесь я поделюсь неожиданной для меня новостью об Илье Митрофановиче. Совсем недавно в результате моих постоянных поисков бывших штрафбатовцев

мне удалось установить, что командиру стрелкового полка подполковнику Мурза И. М. за успешное форсирование в апреле 1945 года западного рукава реки Одер (West-Oder) присвоено звание Героя Советского Союза.

Второе: 2 марта 1944 года в наш батальон была переведена из 33-го штрафбата часть офицеров постоянного состава, среди которых были лейтенанты Усманов, Булгаков и Сисенков, а также большая группа штрафников, не успевших отвоеваться по прежнему месту пребывания. Это произошло так же, как в свое время на Донском фронте с расформированием штрафбата № 2, передавшего свой оставшийся личный состав штрафбату № 1, ставшему вскоре 8-м ОШБ. Усманов Фуад Бакирович (просил называть его по-русски Федей), Булгаков Дмитрий Иванович стали командирами взводов в 1-й роте у капитана Матвиенко Ивана Владимировича, Сергей Сисенков принял пулеметный взвод в роте у майора Анатолия Бабича. Из группы штрафников, прибывших из 33-го ОШБ, в моем взводе стал одним из моих заместителей бывший старший лейтенант Петров С. И., старше меня по возрасту на 9 лет и имеющий большой боевой опыт.

Эти сведения о 33-м ОШБ я привел лишь как дополнение к рассказу о том, как формировались штрафные батальоны. А обо всем, что происходило при мне в 8-м Отдельном штрафном батальоне 1-го Белорусского фронта, чего я был участником или свидетелем, расскажу в последующих главах этой книги.

Глава 3

Не штрафником, а в штрафбат. Сын за отца?

*О, сколько горьких испытаний
На долю выпало твою!
И шел ты в бой с одним призванием —
Отчизну защищать свою.*

О. Дымов

*Атаки, окопы, засады,
Болота, сугробы, ветра...
Наверно, забыть это надо,
Но помнится, словно вчера.*

Виктор Верстаков

На фронт я попал после долгих попыток выпроситься из запасного полка, дислоцированного недалеко от Уфы. В ноябре 1943 года после сложных и сравнительно долгих переездов мы, группа офицеров, оказались в 27 ОПРОСе (Отдельный Полк Резерва Офицерского Состава) Белорусского фронта, естественно, на белорусской земле. Конечно, это еще не передовая, куда мы стремились, где ведут бои с противником, ходят в атаки, хотя мы и здесь выполняли боевые задачи по охране и обороне арсеналов фронта. Чаще патрулировали прифронтовую территорию на предмет выявления отставших от войск военнослужащих и задержания диверсантов противника, что не всегда обходилось без применения оружия. Каждый из нас наряду с этим ждал своего «звездного часа», который определит, где и в какой роли станешь настоящим фронтовиком, а вестниками судьбы почти каждый день или ночь являлись гонцы из частей переднего края, отбиравшие пополнение вместо выбывших из строя офицеров. Знали мы, конечно, что выбывают они там не на курорты или в отпуска, а в госпитали или в братские могилы.

Несколько строк о моей службе до этого. С началом войны мы, выпускники средней школы на Дальнем Востоке, в большинстве добровольцами были зачислены в Красную Армию. Вместо наших отчаянных просьб направить нас на фронт для борьбы с немецкими захватчиками, нас определили в войска Дальневосточного фронта, пока не действующего. Полгода мне пришлось закаляться рядовым в полковом разведзвезде одной из дивизий ОКДВА (Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии). Затем нас, несколько комсомольцев со средним образованием, по комсомольским путевкам направили в пехотное военное училище в Комсомольске-на-Амуре, где мы учились тоже полгода. После окончания военного училища, уже лейтенантом, мне пришлось послужить снова (и опять полгода) на Дальнем Востоке, затем немного больше в Южно-Уральском военном округе, и только в ноябре 1943 года я наконец попал на Белорусский фронт, в 27 ОПРОС (Отдельный Полк Резерва Офицерского Состава).

Однажды, в двадцатых числах декабря, меня вызвали в штаб этого полка на беседу к майору из действующих войск. Он был со строгими чертами лица, обветренного почти до черноты, и я обратил внимание на его заметно поврежденную раковину правого уха. Просмотрев мое, еще тощее, личное дело и задав несколько вопросов о семье, об училище и о здоровье, он вдруг сказал: «Мне все ясно. Пойдешь, лейтенант, к нам в штрафбат!» У меня, выпускника военного училища, может быть раньше, чем у других, какое-то представление о штрафбатах

уже имелось из приказа Наркома обороны № 227, зачитанного нам в воинской части вблизи озера Ханка в Приморье. Но как оно далеко оказалось от реального! В Приложениях 1 и 2 я привожу полный текст приказа Сталина № 227 «Ни шагу назад!» и «Положения о штрафбатах». А тогда, кажется, заикаясь от неожиданности, я спросил: «3-3-за что?» И в ответ услышал: «Неправильно задаешь вопрос, лейтенант. Не *за что*, а *зачем*. Будешь командовать штрафниками, *помогать им искупать их вину* перед Родиной. И твои знания, и хорошая сибирско-дальневосточная закалка для этого пригодятся».

Я знал из того сталинского приказа, что на командные должности в штрафбаты назначаются лишь *лучшие из имеющих боевой опыт офицеры*, и в моих мыслях впервые появилась ниточка рассуждений, связывающих текущие события с совсем недавним прошлым. А в том прошлом, всего за год с лишним до этого, мой отец попал под строгие законы военного времени. За нелицеприятные высказывания о руководстве страны и лично в адрес Сталина был, как принято ныне говорить, репрессирован, то есть осужден к 8 годам лишения свободы по известной тогда 58-й статье УК РСФСР. Подробнее об этом я расскажу в одном из экскурсов в свое прошлое.

Я ничем не могу подтвердить верность тех моих предположений, но тогда как молния просверлила мозг мысль: *а не за репрессированного ли отца это наказание?* Конечно же, сразу и контрдовод появился, известные нам с детства слова Сталина: «Сын за отца не отвечает». О том, что это были слова из Библии, я слышал еще со слов моей набожной бабушки. И мне, конечно, было известно, что Сталин, учившийся в детстве в духовной семинарии, не мог их не знать. Спонтанно родилась мысль и о том, что причиной мог быть также и арест старшего брата моей матери в 1937 году. По той же 58-й статье мой дядя был объявлен «врагом народа», и его судьба была тогда нам неизвестна.

Оказалось, что из 18 офицеров, отобранных этим майором на командные должности в штрафбат, оказался я один, еще не имеющий боевого опыта, «необстрелянный», а остальные имели не только боевые ранения, но часть даже наградами отмечены. Эта навязчивая мысль о «тени предков», о *наказании за совершенные не мною преступления* еще не раз за время моей долгой воинской службы посещала меня, но каждый раз находилась и «контрдовод» ей. В этом же случае, одновременно с сомнениями и с определенной степенью недоумения, «тень предков», с одной стороны, не позволяла оправдать мое определение в штрафбат только моим «сибирским здоровьем», а «контрдовод» заставлял считать это назначение скорее не наказанием, а чем-то вроде своеобразного доверия. Возникло даже что-то вроде гордости за то, что меня приравнивали к боевым офицерам.

Как оказалось, офицером, отбиравшим нас для штрафбата, был помощник начальника штаба 8-го Отдельного штрафного батальона майор Лозовой Василий Афанасьевич. С ним мне довелось и начать свою фронтовую жизнь в 1943 году, и совершенно неожиданно встретиться через четверть века после войны на оперативно-командных сборах руководящего состава войск Киевского военного округа, куда всех более или менее крупных военачальников раз в год собирали на декадные сборы. Тогда я был уже в чине полковника и его, тоже полковника, узнал по приметному правому уху.

А тогда, в декабре 1943 года, после тяжелых боев под Жлобином (Белоруссия) тот штрафбат понес большие потери, в том числе и в постоянном офицерском составе. Вот майор Лозовой и отобрал нас, восемнадцать офицеров, от лейтенанта до капитана, в основном (кроме меня) уже бывалых, боевых фронтовиков, возвращавшихся из госпиталей на передовую. Буквально через час мы уже мчались тревожной декабрьской ночью в кузове открытого грузовика с затемненными фарами в сторону передовой, хорошо определяющейся по всполохам от разрывов снарядов, по светящимся следам разноцветных трассирующих пуль, по висящим над горизонтом немецким осветительным ракетам. Скупое освещенная неверным светом идущих все ближе боевых действий, изуродованная войной, земля Белоруссии казалась ох какой

неприветливой. Это потом, когда нам пришлось на этой земле повоевать, мы почувствовали приветливость и ее жителей, перенесших неимоверные страдания от оккупантов, и этой почти полностью сожженной и разграбленной врагами земли. А где-то там, под огнем противника, на этой земле, о которой в одной популярной песне говорилось «Белоруссия родная», держал оборону пока неведомый, но вскоре ставший родным на долгое время, до самой Победы, наш 8-й Отдельный (офицерский) штрафной батальон.

Перед рассветом 25 (или 26) декабря наш грузовичок остановился на окраине какого-то небольшого, всего из нескольких хаток, населенного пункта. Изрядно продрогнув в открытой машине на декабрьском ночном морозном ветру, мы стали энергично двигаться, толкать друг друга, чтобы хоть немного согреться. Майор Лозовой быстро вбежал в домик с едва светящимся, завешенным, словно прищурившимся, окошком и так же стремительно вскоре из него выбежал. Подойдя к нам, он скомандовал «за мной!» и зашагал, не оглядываясь, к другому домику. Мы, еще не размяв как следует свои ноги, едва успевали за ним.

Вошли через сенцы в большую, хорошо натопленную комнату, скупо освещенную каким-то примитивным светильником, сооруженным из артиллерийской гильзы. Вдоль глухой стены на длинной лавке лежат кучей полушубки, от которых знакомо пахнет овчиной, рядом большая стопка новых валенок, тоже издающих приятный, знакомый с детства, оригинальный аромат. Подумалось, что это для нас. Теплее стало на душе, ведь это проявление заботы о тех, кто станет теперь членом этой большой и очень необычной фронтовой семьи, о которой у меня, в частности, было еще весьма смутное представление.

Посреди комнаты – длинный грубо сколоченный стол с рядом коротких скамеек. Не успел я подумать о том, что пора бы и пожевать чего-нибудь, как вошел молодой солдатик, принес стопку алюминиевых то ли мисок, то ли глубоких тарелок и поставил их на стол. Еще одно приятное ощущение заботы. Спустя несколько минут к нам вошел какой-то щупленький старшина в несвежем, местами засаленном полушубке и предложил позавтракать. Вслед за ним тот же солдатик внес кастрюлю с гречневой кашей, сдобренной поджаренной с луком американской тушенкой, к запаху которой я успел уже привыкнуть, находясь в резервном офицерском полку, откуда мы и прибыли сюда. В запасном полку, в Алкино под Уфой, наша офицерская столовая такими запахами, за все девять месяцев моего пребывания там, не баловала!

Довольно плотно позавтракав и попив крепкого горячего чая, вконец отогревшись, захотелось после бессонной ночи хоть немного вздремнуть, но вошедший к нам еще один офицер, поздоровавшись и представившись как командир комендантского взвода, старший лейтенант Киселев, сообщил, что нас приглашает на личную беседу командир батальона, подполковник Осипов Аркадий Александрович. Потом Киселев положил на стол аккуратный листок бумаги со списком, по которому мы должны были поочередно идти к комбату. Я в нем оказался четвертым. А первым пошел капитан Матвиенко, самый старший из нас и по званию, и по возрасту. Минут через десять капитан вернулся какой-то возбужденный, покрасневший и стал выбирать себе полушубок и валенки. На наши красноречиво вопросительные взгляды Иван (так звали капитана) многозначительно отмалчивался.

Я с каким-то трепетным волнением дожидался своей очереди. И когда третий по очереди, старший лейтенант Муся Гольдштейн, ушел к комбату, я не стал ожидать его возвращения и пошел вслед за ним, оставшись у крыльца дома комбата, чтобы не заставлять его ожидать моего прихода.

Таким странным именем «Муся» Гольдштейн назвал себя при знакомстве, и это имя так на все время и прилипло к нему, превратившись в среде равных просто в Муску. Это потом мы узнали, что по документам Гольдштейн значился как Мусь, а полное его настоящее имя – Моисей. Через какое-то время мы стали называть его просто Муся и даже привычным для слуха русским именем Миша. Компанейским он был, или, как бы теперь сказали – коммуни-кабельным.

Вскоре Мусь вышел из домика комбата, я набрался духу, поправил на себе снаряжение, как можно тверже вошел к комбату и постарался точно по уставу доложить о прибытии в его распоряжение для прохождения дальнейшей службы. Комбат встал, вышел из-за стола, стоявшего напротив входа, подошел ко мне и молча протянул руку. Пожимая его ладонь, я вначале остерегался сильно пожать ее своей, вовсе не маленькой, ладонью потомственного сибиряка, но оказалось, что рука у комбата крепкая, жилистая, и мне самому довелось почувствовать ее твердость. Как нас учили еще в разведывае на Дальнем Востоке, начальство нужно «есть глазами». Мой взгляд встретился с не менее внимательным и твердым взглядом подполковника.

Какое-то время, может, секунду, а может, значительно больше, мы разглядывали друг друга. Мне показалось, будто комбат изучает каждую черточку лица моего, чтобы навсегда его запомнить. А я успел заметить, насколько усталыми кажутся его глаза, с едва заметным прищуром и покрасневшими от бессонных ночей белками. На этом фоне очень выделялся кажущийся ослепительно белым, свежесподшитый подворотничок у выдавшего виды его кителя с несколькими орденами. Да и возраст его произвел на меня впечатление довольно пожилого, по нашим тогдашним, почти юношеским, меркам, человека, лет так близко к 50. Это, как оказалось, ошибочное впечатление держалось у многих все то время, когда Осипов был нашим комбатом. Только когда я стал работать над рукописью моей первой книги «Штрафной удар...», Рогачевский райвоенкомат сообщил мне, что Аркадий Александрович Осипов родился в 1908 году. Значит, в 1943 году ему было всего-то тридцать пять лет! Верно говорят, война не красит и не молодит человека!

Потом комбат пригласил меня сесть к столу, взял мое личное дело, пролистал его несколько страниц, останавливая взгляд на интересующей его информации. Затем медленно встал (я тоже вскочил со своего места) и неспешными широкими шагами стал ходить по комнате, задавая мне время от времени вопросы и внимательно выслушивая мои ответы. Как мне показалось, его больше заинтересовала моя служба рядовым разведчиком еще до училища, хотя потом он подробно расспрашивал, чему нас учили в нем, что мне больше нравилось и на какие детали практической подготовки обращалось внимания в училище. Беседа эта, как мне показалось, была более продолжительной, чем с моими предшественниками.

А завершилась она снова крепким рукопожатием, добрыми напутственными словами и запомнившейся мне фразой: «Ну что же, товарищ лейтенант, привела судьба нас повоевать вместе. Будем надеяться, доведется нам и успешно встретить Победу. А пока побудьте в моем резерве у майора Кудряшова Александра Ивановича» – и сделал едва заметный кивок в сторону.

Только тут я заметил, что у стены слева сидел майор и рядом с ним старший лейтенант, который быстро то ли записывал, то ли просто помечал что-то в толстой тетради или конторской книге. Майором оказался тот самый Кудряшов, а старшим лейтенантом, как я узнал позже, – уполномоченный Особого отдела «Смерш». Кудряшов сказал мне, чтобы я шел в расположение (значит, понял я, в отведенный нам домик) и ждал команды. Четко повернувшись кругом, я вышел. Только спускаясь с невысокого крылечка, я заметил, что под шапкой моя тогда еще очень густая шевелюра изрядно взмокла.

Так закончилась наша первая встреча. Но с комбатом Осиповым мне довелось обрести не только настоящее боевое, но и водное крещение, чуть не утонув в ледяной купели реки Друть. Первый раз по-настоящему я был крещен в детстве, а здесь было мое второе крещение, может, поэтому мне везло на войне, как дважды крещеному. Был за время нашей общей службы в штрафбате и случай, когда я едва не перешел из офицера-командира в разряд офицера-штрафника. Это было через полгода в Полесье, где я, в стремлении улучшить нашу оборону, превысил свои права, снимал мины с одного участка и ставил их лично перед нашими окопами.

Дважды при выполнении боевых задач в составе «осиповского» батальона мне пришлось самому перенести серьезные ранения и даже получить очередное воинское звание. Этот мой

первый фронтовой комбат стал примером боевого командира на всю мою воинскую службу оказавшуюся довольно долгой. Как когда-то образцом для меня стал первый мой командир роты – политрук Тарасов, о котором я расскажу в одном из своих «экскурсов» в прошлое.

В этот первый штрафбатовский день нас ознакомили с организацией и штатной структурой батальона, его вооружением, с категориями переменного состава, узнали мы, что наш батальон воюет в составе 48-й армии генерал-лейтенанта П. Л. Романенко. Тогда же мы узнали, что до боев под Жлобином на 20 декабря в батальоне состояло штрафников 918 человек (это же почти полк!). И не совсем правы те «исследователи», которые утверждают, будто в штрафбатах «по определению» не могло быть ни на одного человека больше 800 человек, установленных штатным расписанием, так как никто пайков больше положенного не выдаст. Выдавали на всех, сколько было, «едоков», и никогда не было в этом проблем, как изобразили в 11-серийном фильме «Штрафбат» Володарский с Досталем.

После ожесточенных боев под Жлобином 23 декабря, потери составили: убитых – 144, раненых – ровно в 2 раза больше – 288, пропавших без вести – 59. Итого 591 человек. В боевом донесении «Штабат 8 Отд. с-з Майское 7.00 24.12.43», полученном мною из ЦАМО РФ, записаны эти же цифры, только есть еще одна фраза: «Налицо людей 349». Элементарный подсчет обнаруживает разницу в 78 человек, которые, вероятно, составили боевые потери (убитых и раненых) за период 20–22 декабря. Значит, и эти три дня не были спокойными. При соотношении потерь аналогично тому, какими они оказались 23 декабря (1:2), можно предположить, что не указанные в том донесении потери, вероятно, составили: убитых – 26, раненых – 52. Так что возможные потери за весь период трех дней боев могли составить: убитых – 170, раненых – 340. По предварительным, далеко не точным подсчетам (не было времени для точных подсчетов трупов противника!), как говорилось в донесении, на поле боя осталось около 300 трупов фашистов, в том числе 1 генерал, 22 офицера и 250 солдат. Надо сказать, что, как правило, штрафники пленных не брали без специальной на то команды, но здесь в плен было взято 2 унтер-офицера и 24 солдата. Наверное, так сложились обстоятельства.

Может, я утомил читателя обилием цифр, но этим мне хотелось показать, какова общая картина жестокости и напряженности боев, которые приходится вести штрафбату, если *только за один день боевые потери составили почти 600 человек*. Это же более 65 процентов!!! Эти цифры подтверждаются и архивными документами ЦАМО РФ. Вот почему на пополнение офицеров батальона понадобилось сразу 18 человек только в командный состав.

В этот же первый наш «штрафбатовский» день мы познакомились с командованием и штабом батальона, некоторыми его тыловыми службами и частью политаппарата. Мне почему-то не запомнился замполит командира батальона, может, он был занят более важным делом. Но сразу запомнился высокий, богатырского телосложения старший лейтенант Желтов Александр Матвеевич, который представился мне, лейтенанту, как парторг батальона и сразу же, как-то быстро, без каких-либо формальностей, поставил меня, кандидата в члены ВКП(б), и многих других на партийный учет. Наверное, я запомнил сразу тогда вместе с парторгом Желтовым начальника штаба майора Носача Василия Антоновича, командира комендантского взвода Филиппа Киселева да еще начальника службы вооружения, старшего лейтенанта Бабича Анатолия Григорьевича, из рук которого я получил свое личное оружие – пистолет «системы Наган».

Запомнились и агитатор батальона (были и такие штатные должности у нас) капитан Пиун Павел Ильич да помощник начпроды, старшина Червинский, накормивший нас с дороги по прибытии в батальон. Это потом, постепенно круг знакомств расширялся, хотя многих офицеров из других подразделений, тыловых служб, из политсостава я так и не успел не то чтобы хорошо узнать, но даже узнать об их существовании вообще. Разные были у нас задачи. Эти офицеры из политсостава были закреплены за разными подразделениями, и с некоторыми из

них так и не удалось хорошо познакомиться. Да, честно говоря, некогда было нам, взводным, отвлекаться на широкие знакомства.

Начальник разведки штрафбата Борис Тачаев

Майор Кудряшов, видимо ссылаясь на мнение комбата, определил мне должность командира нештатного разведвзвода. Наверное, моя служба еще до военного училища красноармейцем в разведвзводе на Дальнем Востоке оказала влияние на принятие такого решения. Да и обрадовало то, что мне доверили разведывательное подразделение, несмотря на «преступный» шлейф отца и дяди.

Этот разведвзвод, оказывается, формировался сверх штата еще до декабрьских боев под Жлобином, он не входил в состав какой-либо роты. Кудряшов познакомил меня с начальником разведки батальона Борисом Тачаевым, старшим лейтенантом, как мне показалось, старше меня по возрасту, а как я узнал уже от него самого, имеющим боевой опыт и ранение под Сталинградом. Он как-то сразу, с первых же слов и жестов расположил к себе, и несмотря на то, что он был моим прямым начальником, я почувствовал себя почти как равный с равным. Его открытое лицо и приятная улыбка, какой-то внимательный взгляд на все, что он видел в данный момент, говорили, что передо мной опытный разведчик. Дельные, компетентные и неназойливые советы вызвали желание делать все в лучшем виде.

На второй день нашего пребывания в батальоне нас развели по окопам переднего края, и начальник разведки представил меня, нового командира, разведвзводу численностью... 11 человек. Все бойцы этого взвода оказались из бывших боевых офицеров. Побывавших в немецком плену, «окруженцев» или даже тыловых офицеров там не было. Это и понятно: взвод специально комплектовался из имеющих боевой опыт, обстрелянных бойцов. Только я, их командир, оказался в этом отношении «салагой», которому еще предстояло набираться боевого опыта.

Первым делом, сказал Борис, мне предстоит довести его как минимум до 25 бойцов, и что в этом поможет он сам.

Здесь я впервые увидел тех, кто составляет главную силу штрафбата, бойцов, которых (как-то мне непривычно) называли штрафниками, но не при обращении к ним, а «заочно». Я говорю «заочно» потому, что уже в первый день нам разъяснили, что ко всем к ним следует непременно обращаться, как и принято в нашей армии, со словом «товарищ», но все-таки по-

особому: «боец-переменник», так как, в отличие от нас, они относились к *переменному* составу, а мы – к *постоянному*. Тогда до меня дошло, что он, боец-переменник, покинет штрафбат либо совершив подвиг, либо по ранению, или, в конце концов, по истечению срока, на который направлен офицер в штрафники за свои преступления, а он больше трех месяцев не бывает.

Мы же, *постоянный состав*, остаемся в нем *постоянно*, не на 1–3 месяца, как штрафники, а кое-кто из нас, как оказалось, даже на год-два и более! Правда, на практике мы вскоре убедились, что это слово «боец-переменник» не прижилось, и его сами штрафники сократили до «боец», например: «Товарищ лейтенант, боец Иванов по вашему приказанию прибыл». Да и офицеры постоянного состава сами считали это более справедливым, не напоминая об их «особом ранге» и, как было принято во всей армии, говорили, например: «Боец Иванов, ко мне». Потом, уже после войны мне приходилось читать, что где-то их, штрафников, называли, например, «штрафной капитан» и т. и. В нашем батальоне такого не практиковалось.

Эти факты в пух и прах разбивают домыслы всяких недобросовестных писателей и киношников о тюремно-лагерных взаимоотношениях в штрафбатах. К своим командирам штрафники обращались строго по-уставному, например «товарищ лейтенант», а не «гражданин начальник» или «гражданин лейтенант», как домысливают это современные «знатоки» нашей военной истории. В этом стандартном воинском обращении чувствовалось совершенно нестандартное уважение, даже ко мне, еще необстрелянному лейтенанту, ставшему командиром тех, кто вчера еще был майором, а то и полковником, не раз бывавшим в огненной перепалке боев. Со временем и эта особенность мне стала понятна: ведь от штрафбатовского командира зависит во многом судьба штрафника, именно командир поведет их в бой, и от того, насколько умело он будет управлять своим подразделением, может зависеть и жизнь, и возвращение «бойца-переменника» в офицерский строй.

В окопах не утихали эмоциональные разговоры о том, что батальон удостоил чести посещения сам Рокоссовский. Оказалось, буквально за день-два до нашего появления в штрафбате, сразу же после того, как батальон понес большие потери и в переменном, и в командном составе, в окопах батальона побывал командующий фронтом генерал Рокоссовский. Сколько было впечатлений у тех, кому посчастливилось поговорить с ним, увидеть его! Буквально все восторгались его манерой разговаривать спокойно и доброжелательно и со штрафниками, и с их командирами. Мне оставалось только сожалеть, что не довелось быть свидетелем этого памятного события.

Несколько дней мы прожили в окопах вместе с начальником разведки Борисом Тачаевым, там мы и познакомились поближе. Я узнал, что он, как и я, в армии с первых дней войны, даже в военное училище поступил, упредив ее на день, 21 июня. До фронта успел окончить два военных училища, вначале интендантское, а затем доучивался в пехотном. Воевал под Сталинградом, после ранения и госпиталя получил назначение в штрафбат, в отличие от меня – как имеющий боевой опыт.

Большинство бойцов теперь уже моего взвода не только по возрасту старше меня, но по их временно отнятому званию – тоже. Бойцы моего взвода одеты практически одинаково, в шинелях на телогрейки, на ногах – сапоги; шапки, как правило, офицерские не новые, но цигейковые, серые. Вообще бойцы батальона, как я успел обратить внимание, обмундированы как-то разношерстно: большинство – в солдатских или офицерских шинелях, бушлатах или телогрейках, но все без погон и с солдатскими ремнями. Значительная часть носит шапки-ушанки солдатского образца из искусственного меха. На ногах тоже у многих сапоги, значительная часть – в ботинках с обмотками.

Оказывается, те, что в ботинках, – как правило, бывшие военнопленные и вышедшие из окружения или из освобожденных от оккупации территорий (всех их называли «окруженцами»), а вторые – бывшие офицеры фронтовых или тыловых подразделений, осужденные военными трибуналами или направленные в штрафбат комдивами. Мои опасения относи-

тельно могущих возникнуть сложностей во взаимоотношениях были напрасными: и между собой все они общались привычно, как равные, может быть только подчеркнуто уважительно, на «вы» с теми, кто в прошлом носил более высокие воинские звания. Я даже слышал иногда обращения штрафников друг к другу по их действительному в прошлом воинскому званию: «Товарищ подполковник».

Вот здесь мне хочется привести свидетельство «постороннего» человека, то есть не состоящего ни в постоянном, ни в переменном (штрафном) составе батальона, минского пенсионера, недавнего работника аппарата Президиума Верховного Совета Беларуси. Это бывший начальник радиостанции, прикомандированной к батальону из штаба 3-й армии генерала Горбатова на период выполнения нашим штрафбатом боевого задания при взятии Рогачева, старшина-фронтовик Григорий Власенко. Его мнение совпадает с моим удивлением от первого впечатления о штрафниках-офицерах:

«Мое личное впечатление от их поведения на передовой таково, что в абсолютном большинстве это были люди порядочные. Скажу даже – высокого долга и высокой воинской морали. Конечно, изначально все они были разные, и прежняя вина у каждого была своя. Рядом могли находиться растратившийся где-то в тылу пожилой техник-интендант и юный балбес-лейтенант, который опоздал из отпуска или по пьянке подрался из-за смазливой медички.

Но наступал момент внутреннего преображения, момент осознания готовности к самопожертвованию, и эти люди становились едины в том, что в бой шли, как на молитву.

Запомнилась мне деталь: между собой они обращались на „вы“. Матерная брань считалась дурным тоном. Ну, а если отринуть высокопарность, то допустим и такой мотив: пусть меня ранит, пусть погибну, так ведь реабилитируют! И семья в тылу получит деньги по восстановленному офицерскому аттестату».

Личные отношения у меня с подчиненными складывались, вопреки опасениям, неожиданно хорошо. Я как-то сразу почувствовал заботу о себе в том, что командиры отделений, более степенные и солидные бойцы, как-то старались оградить меня на первых порах от принятия скоропалительных решений. Да и от любопытства некоторых подчиненных тоже, желавших понаблюдать, как необстрелянный командир будет вести себя в этой среде. То есть помогали мне на первых порах «держаться дистанцию». А поскольку наступил период, когда мы стояли в обороне, и пока ни мы, ни противник не вели активных боевых действий, мне было удобно постепенно «вращаться» в обстановку, понимать непростую ситуацию, сложившуюся уже в таком необычном батальоне. Между тем я и сам стал привыкать к боевой обстановке. Научился ходить вдоль окопов, не провоцируя своим ростом вызова огня противника на расположение взвода. Научился различать свист летящих мимо пуль, шорох снарядов и мин противника, летящих мимо или могущих разорваться в опасной близости.

Как-то раз по вызову того самого майора Кудряшова мне нужно было вечером покинуть окопы и прибыть в штаб. По ходу сообщения я прошел какое-то расстояние, а затем мне предстояло пройти метров 300 по открытому месту. Были уже сумерки, приближалось время, обычное для немецкого артонала, и я, честно говоря, подумал, не попаду ли под него. И надо же, попал! Не пробежал буквально и нескольких десятков шагов, как загрохотало, и эту поляну накрыло несколько разрывов, вздыбивших заснеженную землю серией фонтанов, больше похожих на извержение каких-то мини-вулканов.

Наверное, нет людей, не ощущавших страха, тем более – на войне.

Ощущая, может быть, впервые в жизни этот всепоглощающий, даже животный страх оттого, что я один, никого нет рядом и в случае чего мне никто не поможет, я бросился на землю, укрытую плотным, утоптаным снегом. Разрывы снарядов или мин немецких (еще не научился их уверенно различать) не становились реже, но мой страх, казалось, куда-то забирался постепенно внутрь. Единственным моим желанием стало: «Ну пусть, раз уж суждено, только сразу в меня, а не рядом. Пусть прилетит именно мой снаряд, пусть огромная, все раздирающая боль ворвется в меня, но ведь это только „на мгновение”». Однако именно эта мысль неожиданно успокоила меня, а чувство страха куда-то вовсе улетучилось, и я решил больше не дожидаться своего конца лежа, какая разница, в куски разорвет «мой» снаряд лежащего или бегущего.

Да к тому же меня ждет замкомбата, и не подумает ли он, что я прячусь где-то, как трусливый кролик. Как будто какая-то внутренняя пружина подбросила меня, я вскочил и, не обращая внимания на вздымавшиеся то тут, то там фонтаны взрывов, побежал вперед. И будто по мановению волшебной палочки, вдруг почти сразу же прекратились разрывы. От неожиданности я даже остановился, не веря, что весь этот кошмар закончился. Видно, судьбе моей или Богу (тогда мы отождествляли эти понятия) было угодно прервать это испытание моей воли и психики. Это значительно позже, уже после войны, мне врезалось в память изречение основоположника научной педагогики в России К. Д. Ушинского: «Не тот мужествен, кто лезет на опасность, не чувствуя страха, а тот, кто *может подавить самый сильный страх*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.